18+

САША ЩЕРБЕТОВА

НЕ БЕРИ У НИХ

Манго

18+

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

ПРАВИЛО №2: НЕ ВЛЮБЛЯЙСЯ В БОССА

Саша Щербетова

Не бери у них манго

«Автор»
2026

Щербетова С.

Не бери у них манго / С. Щербетова — «Автор», 2026

Она отчитала туриста в шлёпках. Через пять минут он стал её боссом. Его партнёры оказались мафией.До конца визы у Зузы двадцать один день, и это собеседование — последний шанс остаться в Бангкоке. Поэтому американцу, который занял единственную розетку в лобби, она высказывает всё: и про пляжные манеры, и про тук-тук за пятьсот бат. Потом он садится напротив неё в кресло директора и берёт её на работу.Кто съел его манго, тот должен мафии. Зуза своё съела. Расплатиться ей предлагают подписью на таможенных бумагах для контейнера, о котором лучше ничего не знать.Зуза переезжает в пентхаус босса за арендную плату и по договору, который написала сама. Правило 1: не ходить по квартире без рубашки. Правило 2: того, что было после клуба, не было. Первое Грант нарушает в тот же вечер. Второе они нарушают вместе.Горячая романтическая комедия о боссе и ассистентке в Бангкоке. 18+

© Щербетова С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Не бери у них манго 5
18+ 6
Глава 1. Зуза 7
Глава 2. Грант 13
Глава 3. Зуза 18
Глава 4. Грант 24
Глава 5. Зуза 31
Глава 6. Грант 37
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Саша Щербетова
Не бери у них манго

Не бери у них манго

© Саша Щербетова, 2026

Все права защищены. Никакую часть этой книги нельзя воспроизводить без письменного разрешения автора.

Все персонажи и события вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми случайны.

18+

Книга для взрослых читателей. В ней есть откровенные постельные сцены, описанные подробно и без смущения, мат, угрозы мафии, оружие и стрельба.

Глава 1. Зуза

До конца визы оставался двадцать один день. Я пересчитала их ещё раз, пока скайтрейн полз над Сукхумвитом, главной улицей Бангкока, которая тянется отсюда до самой Паттайи, мимо крыш с чужим бельём и золотого шпиля храма, торчащего между двумя стеклянными башнями, как леденец в торте.

Число не менялось. За четыре года за кассой банка я усвоила, что цифры не уговоришь. Их можно только исправить, и исправлять я ехала как раз сегодня.

Утро было прохладным. Туристы в это не верят, им в ноябре в Бангкоке жарко так же, как в апреле, и они смеются, когда местные надевают куртки при двадцати четырёх градусах. Я тоже смеялась, в мае, когда только прилетела. Полгода спустя я стояла на платформе Асок в тонком кардигане и с удовольствием куталась в него, пока солнце не поднялось над крышами и не напомнило, что прохлада здесь живёт недолго, как скидка в торговом центре.

Сегодня у меня было последнее собеседование из списка. Если честно, первое за две недели, на которое меня вообще позвали.

Компания называлась Reed Logistics, вакансия — «личный ассистент управляющего директора». В требованиях стояли «высокая стрессоустойчивость» и «динамичная среда». Я прочитала достаточно вакансий, чтобы знать: динамичная среда обычно значит, что прошлый ассистент сбежал.

Меня это устраивало. Сбегать я умею и сама. Но и оставаться тоже, если есть ради чего.

Собеседование было назначено на десять, а пришла я в девять двадцать, и не из нервов, хотя нервы тоже были. У меня был план. Я всегда прихожу с планом, это у меня от мамы вместе с привычкой складывать пакеты треугольниками. План состоял из двух пунктов: переодеть блузку и зарядить телефон.

С телефоном вышла история, за которую мне до сих пор немного стыдно. Я не из тех, кто ходит с одним процентом и выпрашивает у прохожих зарядку.

Вчера Мали, моя подруга по языковой школе, утащила меня на Ко Лан, остров в получасе на пароме от Паттайи. «Ты полгода не видела моря, это преступление против себя», — сказала она. Мы взяли гидроцикл. Мали гнала так, будто от этого зависела судьба её кафе, а я сидела сзади и снимала. На повороте нас подбросило на волне, и я слетела в воду, приложившись бедром о борт.

Пауэрбанк я посадила в обратном автобусе, пересылая Мали видео с её собственным визгом. А ночью над гестхаусом прошла гроза, и хозяйка, тётушка Ной, как всегда, отключила электричество во всём доме, «чтобы молния не нашла провода». Утром я проснулась с одиннадцатью процентами на телефоне и синяком размером с ладонь.

Утро в скайтрейне съело ещё семь. Но я знала, что в лобби любого бизнес-центра на Сукхумвите есть розетки, и прийти на сорок минут раньше было ровно тем решением, которое принимает взрослый человек. Резюме лежало в папке на бумаге, а вот рекомендательное письмо с прошлой работы, портфолио и переписка с рекрутером остались в телефоне, а если бы рекрутер позвонил сказать, что встречу перенесли на другой этаж, я хотела об этом узнать.

Лобби оказалось огромным и холодным, с мраморным полом, в котором отражались лампы, и диванами цвета мокрого песка. Кондиционер работал с той щедростью, с какой здесь работают все кондиционеры, будто здание пыталось доказать улице, что ему жара не указ. Пот, который я успела собрать на переходе, превратился у меня на спине в тонкую ледяную плёнку. Я нашла туалет, заперлась в кабинке и переоделась в запасную блузку, а потом вышла к зеркалу и посмотрела на себя тем взглядом, каким смотрела на купюры: на свет, внимательно, в поисках подделки.

Из зеркала на меня смотрела девушка, которой я разрешила бы вести мой календарь. Волосы цвета воронова крыла, густые и тяжёлые, как у тайских девочек из соседнего дома. Мали в первый же день сказала, что с такими волосами меня тут примут за свою, если я не повернусь лицом. Лицом я не тянула на свою. От азиатки во мне были только эти волосы, а всё остальное досталось от бабушки по папиной линии: бледная кожа, которая за полгода бангкокского солнца так и не согласилась загореть, только порозовела на скулах, и широко посаженные зелёные глаза, которые мой бывший называл «кошачьими», когда хотел что-то получить. Теперь я не любила это слово.

Белая блузка, застёгнутая на все пуговицы, кроме верхней, сидела хорошо, но немного натягивалась на груди. Третий размер в деловом гардеробе скорее проблема, чем подарок. В банке я носила пиджак даже летом, чтобы клиенты смотрели в окошко, а не ниже.

Тёмно-синяя юбка-карандаш была на ладонь выше колена. Для собеседования коротковато, и это было решение, а не случайность. Под ней тонкие телесные колготки, в такую погоду почти подвиг. Без них из-под юбки выглядывал бы вчерашний синяк над коленом, жёлто-фиолетовый, как закат над Ко Ланом. Чёрные лодочки на невысоком каблуке я привезла специально для собеседований.

Вчера вечером Мали разглядывала мой наряд и назвала его скучным. «Надень юбку покороче или блузку с вырезом, — сказала она и подмигнула. — Мужчинам-директорам так проще принять решение».

Я ответила, что не ищу лёгких путей, но юбку всё-таки подкоротила. Немного ног смягчает любую оценку, это я знала ещё по банку. А вот вырез я оставила при себе. Выкладывать все козыри в первый же день непрофессионально. С чем, спрашивается, я пойду через полгода просить о повышении?

Я поправила воротник, улыбнулась зеркалу, убедилась, что улыбка выглядит скорее угрожающе, чем приветливо, и решила, что для ассистента это даже плюс. Потом пошла искать розетку.

Розетка в лобби нашлась одна. Я обошла всё: колонны, стойку охраны, стену у лифтов, кадки с фикусами, за которыми в нормальных зданиях всегда прячется хотя бы одна. Эта единственная пряталась в стене за угловым диваном, и в неё уже был воткнут чей-то белый провод. Провод тянулся по полу к дивану, а на диване, почти лёжа, с телефоном у уха, расположился мужчина, которого я сначала приняла за ошибку охраны.

На нём были шлёпки. Обычные чёрные резиновые шлёпки, такие продают в каждом «Севен-Элевен» за девяносто девять бат, и я знала цену, потому что сама купила такие же в первую неделю. Выгоревшие бермуды цвета хаки. Футболка с надписью «Same Same But Different», которую каждый турист покупает на Каосан-роуд в первый же вечер, вместе с пивом «Чанг» и уверенностью, что Таиланд теперь его понимает. Ноги он вытянул поперёк прохода, и, чтобы подойти к розетке, мне пришлось через них переступить, придерживая юбку.

— Тай, нет, — говорил он в телефон по-английски, громко и так радостно, будто сообщал о выигрыше в лотерею. — Нет. Я не дам тебе денег на бар с живыми рыбками в полу. Потому что рыбки умрут, а ты будешь плакать. Помнишь черепаху?

Он засмеялся, низко и с таким откровенным удовольствием, что охранник у турникетов поднял голову. В лобби бизнес-центров так не смеются. В лобби бизнес-центров в девять утра люди смотрят в ноутбуки с выражением глубокой занятости и делают вид, что уже находятся на совещании, а этот смеялся так, будто лежал в гамаке на Ко Лане, и мне на секунду стало обидно за всех, кто вставал сегодня в шесть.

Я встала рядом и вежливо подождала, когда он меня заметит. Он заметил, поднял глаза, улыбнулся и показал мне палец, мол, одну секунду, а потом отвернулся к окну и продолжил разговор, как будто его палец заключил со мной договор.

— Я не злюсь, Тай. Я просто говорю «нет». Это разные вещи. Да. Нет. Что значит «немного»? Сколько это «немного»?

Я посмотрела на свой экран: четыре процента.

Пока он выяснял размеры «немного», я его рассмотрела. Потом об этом пожалела, но было поздно.

Загар у него был ровный, такой за две недели отпуска не получишь, а выгоревшие волоски на предплечьях светились золотом. Часов он не носил. Тёмные волосы были длинноватыми для офиса, но подстрижены так аккуратно, что за такую стрижку здесь, наверное, берут больше, чем я плачу за неделю у тётушки Ной.

Под дурацкой футболкой угадывались широкие плечи и спина, которую хотелось потрогать ладонями. Просто проверить, такая ли она твёрдая, как выглядит.

Он сидел, широко раскинув колени, и ему было совершенно всё равно, кто на него смотрит. Я смотрела. Взгляд сам сполз туда, куда я смотреть не собиралась, и отметил, что бермуды сидят на нём очень удачно и что под ними, похоже, есть чем гордиться. Я покраснела так, что кондиционер перестал помогать.

Мне двадцать семь лет. Полгода назад, за два дня до свадьбы, я нашла в телефоне жениха переписку с Анетой, моей лучшей подругой со школы. И фотографии из его машины. Я оставила кольцо на кухонном столе и улетела на другой конец света начинать жизнь заново.

Начинать её с разглядывания ширинок туристов я не планировала.

— Простите, — сказала я по-английски.

Он кивнул мне, не отрываясь от телефона, и добавил в трубку что-то про «бизнес-план на салфетке».

— Простите, — повторила я громче. — Мне нужна розетка. Ваш телефон, кажется, уже заряжен.

Он опустил взгляд на экран, и я тоже посмотрела, через его плечо. Девяносто восемь процентов.

— О, — сказал он. — Тай, подожди секунду.

И больше ничего не сделал. Сказал «о», вернул телефон к уху и снова слушал брата, улыбаясь тому, что ему говорили, как будто я стала частью интерьера, ещё одним диваном цвета мокрого песка, на который можно не обращать внимания, пока не понадобится сесть.

Три процента. Чёрт.

Я никогда не устраиваю сцен. Восемь часов в день я сидела за стеклом кассы и улыбалась людям, которые бросали мне в лоток мятые купюры и называли «девушкой», будто это должность. Улыбалась пенсионеру, который трижды пересчитывал сдачу. Улыбалась мужчине в кожаной куртке, который пятнадцать минут объяснял мне, как работает мой же банк.

Даже из-за Анеты я не устроила сцену. Молча положила кольцо рядом с солонкой и купила билет.

Видимо, все эти несостоявшиеся сцены копились во мне, как мелочь в копилке. И вот копилка нашла повод разбиться. Повод сидел передо мной в шлёпках за девяносто девять бат.

— Знаете, — сказала я, — я понимаю, что здесь удобно. Кондиционер, мягкий диван, бесплатный вай-фай. Но это бизнес-центр, здесь люди работают. Отель с бассейном, если что, через дорогу.

Он медленно опустил телефон.

— Это ещё не всё, — продолжила я, потому что копилка разбилась и остановить мелочь было уже невозможно. — Раз уж вы здесь, бесплатный совет. Когда выйдете на улицу, к вам подойдёт водитель тук-тука и предложит отвезти вас в Большой дворец за пятьсот бат. Он скажет, что дворец сегодня закрыт для иностранцев, но он знает другой храм, гораздо лучше, а по дороге завезёт вас в ювелирный магазин своего двоюродного брата, где вам продадут сапфир

из бутылочного стекла. Не соглашайтесь. Пятьсот бат за тук-тук платят только люди, которые носят такие футболки.

В лобби стало так тихо, что я услышала, как гудит кондиционер. Охранник у турникетов перестал жевать.

Мужчина посмотрел на свою футболку, внимательно, словно впервые прочитал надпись. Потом поднял глаза на меня. Глаза у него оказались серые, светлее, чем я ждала на таком загорелом лице, почти прозрачные, как вода на мелководье у Ко Лана, и в углах этих глаз собрались морщинки, потому что он изо всех сил старался не засмеяться и проигрывал.

— Тай, — сказал он в телефон, — я тебе перезвоню. Меня тут учат жить.

Он нажал отбой, наклонился за спинку дивана, выдернул свой провод из розетки и уступил мне место широким жестом, каким официант в хорошем ресторане отодвигает стул.

— Мэм.

— Спасибо, — ответила я голосом, которым в банке сообщала клиентам, что их карта заблокирована, и воткнула свою зарядку.

Телефон пискнул и показал один процент. Я села на край соседнего дивана спиной к нему и уставилась на экран так, будто от моего взгляда батарея наполнялась быстрее. Щёки горели. Я только что отчитала незнакомого человека как школьника, и где-то внутри меня мама неодобрительно качала головой, а Мали, наоборот, аплодировала.

— А сколько надо платить? — спросил он у меня за спиной.

— Что?

— За тук-тук. Если не пятьсот.

Я не обернулась.

— Восемьдесят. Сто, если ночью. И договаривайтесь о цене до того, как сели.

— Восемьдесят, — повторил он задумчиво, будто записывал в блокнот. — А вы здесь давно?

— Достаточно.

— Работаете в этом здании?

— Надеюсь, что буду.

— О, — сказал он во второй раз, и по голосу я слышала, что он улыбается, и мне захотелось кинуть в него папкой с резюме. — Удачи. Надеюсь, вас возьмут. Вы очень убедительны.

Телефон ожил и завибрировал у меня в руке. Мали прислала сообщение: «Улыбнись котик, ты супер секси когда улыбаешься. И очень пугаешь когда нет. Люблю, каааа». Следом пришла фотография её кота Бисквита, которому она зачем-то повязала галстук. Я не улыбнулась. Я написала: «Поздно. Уже напугала одного. Туриста». Мали ответила тремя плачущими от смеха смайликами и сразу задала вопрос, на который я отвечать не стала: «Красивый?»

Я честно попыталась ответить Мали «нет» и не смогла. Даже в этой футболке. У него была загорелая шея с белой полоской у ворота, будто он вчера весь день проторчал на лодке. И голос, которым хотелось попросить его зачитать вслух условия моего потребительского кредита. Я бы дослушала до последнего пункта мелким шрифтом.

Я сидела к нему спиной и чувствовала его спиной, как чувствуешь солнце сквозь закрытые веки. Это было глупо. А глупость, как я выяснила полгода назад, обходится дорого. Мне она стоила свадебного платья, ресторана на сто двадцать гостей и подруги, с которой мы с первого класса делили всё. Как оказалось, вообще всё.

За спиной скрипнула кожа дивана. Я не обернулась. Шлёпки прошлёпали по мрамору в сторону лифтов, неторопливо, как будто их хозяин гулял по пляжу, и всё стихло, кроме кондиционера и моего сердца, которое никак не хотело успокаиваться.

Без десяти десять ко мне подошла девушка с бейджем «Reed Logistics», маленькая, в идеально выглаженной белой блузке, с лицом таким спокойным, что я сразу ей позавидовала.

— Мисс Зузанна? Я Пим, офис-менеджер. Пожалуйста, пройдёмте со мной.

Я выдернула телефон, к тому времени набравший двенадцать процентов, подхватила папку и пошла за ней. Лифт поднимался на двадцать третий этаж так быстро, что у меня заложило уши. Пим молча улыбалась, а я смотрела на своё отражение в зеркальной двери и повторяла про себя ответы на вопросы, которые задают на всех собеседованиях мира. Почему Таиланд. Почему вы ушли с прошлой работы. Где вы видите себя через пять лет. Через пять лет я видела себя здесь же, с рабочей визой, со своей квартирой, где электричество не отключают из-за грозы, и без мужчин, которые врут.

Офис оказался стеклянным. Стены переговорных были прозрачными, и сквозь них просматривался весь этаж: столы, мониторы, люди в рубашках, кофемашина, у которой двое о чём-то спорили, размахивая бумагами. Мне это понравилось. После того как я полгода назад узнала правду из чужого телефона, я полюбила места, где всё видно.

Пим провела меня в угловой кабинет. Из окна открывался вид на крыши, на зелёный квадрат парка Бенчакитти с его озером и на серую ленту скоростной дороги, по которой ползли машины. У окна стоял большой стол, за ним кресло с высокой спинкой. На столе лежали стопка папок, ноутбук и маленькая деревянная фигурка слона с поднятым хоботом, на удачу.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Директор сейчас подойдёт.

Я села напротив пустого кресла, положила папку на колени и выпрямила спину. Директора я представляла себе отчётливо: пожилой американец в костюме, с часами, которые стоят как моя прошлая квартира, с привычкой смотреть сквозь ассистентов и называть их «милочка». Я заранее решила, что прощу ему «милочку», если он оформит мне визу.

Дверь открылась у меня за спиной, и звук шагов я узнала раньше, чем успела обернуться. Шлёп. Шлёп. Резина по ламинату.

Он прошёл мимо меня, не сказав ни слова. В руке у него был прозрачный пластиковый стакан из «Севен-Элевен» с американо со льдом, самым обычным, за сорок бат, с зелёной соломинкой. Я знала этот стакан. Я сама покупала такой каждое утро, когда хотела почувствовать себя взрослой и не тратить сто пятьдесят бат в кофейне. От него пахнуло американо и тем же цитрусом, что в лобби.

Он обошёл стол, поставил стакан на стопку папок, оставив на верхней мокрый круг, и опустился в кресло с высокой спинкой. Закинул ногу на ногу. Голая загорелая щиколотка, шлёпка повисла на большом пальце и закачалась. Шлёпка, к слову, была не первой свежести: по краю подошвы тянулся серый ободок уличной пыли, а между ремешком и пальцем застряла травинка. Я смотрела на эту травинку и не могла отвести глаз, потому что смотреть ему в лицо было ещё страшнее.

Кровь отлила у меня от щёк куда-то вниз, в живот, и застыла там холодным комом.

Он молчал. Откинулся в кресле, сцепил пальцы на животе и посмотрел на меня. Спокойно, долго, без улыбки и без злости, как смотрят на вещь, которую собираются купить, и прикидывают, не переплатили ли. Я выдержала секунды три, потом опустила взгляд на свои колени. Колготки. Синяк под ними вдруг показался мне размером с Ко Лан.

Он наклонился, выдвинул ящик стола, порылся в нём и достал зарядку. Белый провод, тот самый. Положил его на стол передо мной, рядом с моей папкой, и чуть подвинул пальцем ко мне. Розетка была у ножки стола, с моей стороны.

Я ждала чего угодно. Что он выставит меня за дверь. Что скажет что-нибудь про туристов и пляжи моим же тоном. Я ждала мести, а получила зарядку для телефона, и от этого растерялась сильнее, чем от кресла директора. Руки сами взяли провод и воткнули телефон. Двенадцать процентов. Он видел в лобби, как я сидела над своим одним процентом.

Только после этого он открыл мою папку, пробежал глазами первую страницу, задержался на фотографии и поднял на меня свои светлые серые глаза. Морщинки в их углах снова собрались.

— О, — сказал он в третий раз за утро и протянул мне руку через стол. — Мисс Зузанна? Грант Рид. И часто вы катаетесь на тук-туках по ночам?

Глава 2. Грант

Руку она всё-таки пожала. Ладонь у неё была холодная после кондиционера в лобби, пожатие короткое и крепкое, и я успел подумать, что так здороваются люди, которые сначала проверяют документы и только потом улыбаются. Улыбаться она не стала, зато начала краснеть. Румянец поднимался от застёгнутого воротника к скулам так медленно, что я успел за ним проследить и, честно говоря, немного этим насладиться, пока ждал ответа.

— Я не… — начала она и запнулась. — То есть иногда. Сто бат.

Секунду спустя она услышала, что сказала, и румянец добрался до ушей.

— Это цена, — объяснила она. — Ночная. Я не катаюсь. Я езжу домой, когда скайтрейн уже закрыт, а это бывает, только когда… Неважно когда.

Я кивнул с самым серьёзным лицом, на какое был способен. Внизу, в лобби, я тоже с трудом сдержался, но там она стояла надо мной, уперев руку в бок, и отчитывала меня по полному праву, а здесь сидела с папкой на коленях, горела до ушей и путалась в собственных тарифах, и смеяться над ней сейчас было бы нечестно.

Видимо, она и сама это почувствовала, потому что выпрямилась и стала искать, за что бы ухватиться, чтобы вернуть себе хоть часть утреннего преимущества. Взгляд её упал на мой стакан.

— Вы поставили мокрый стакан на папки, — сказала она тем же голосом, каким полчаса назад рассказывала мне про сапфиры из бутылочного стекла. — Останется круг.

Где-то на середине фразы она вспомнила, чьи это папки и чей это стол, и брови у неё дрогнули. Любой другой на её месте замолчал бы и сделал вид, что ничего не говорил, но она, похоже, из тех, кто начал пересчитывать пачку и досчитает её до конца, даже если уже понял, что в ней не хватает. Она открыла свою папку, достала бумажную салфетку, сложенную вчетверо, перегнулась через стол и промокнула круг на таможенной декларации.

Верхняя пуговица блузки была расстёгнута, и, когда она наклонилась, ворот отошёл. На секунду, не больше, я увидел ложбинку между грудей, бледную, куда бангкокское солнце так и не добралось, и край белого кружева, и почувствовал запах простого мыла без всяких духов. Я поднял глаза к потолку так резко, что нашёл там датчик дыма, которого за три года в этом кабинете ни разу не замечал, и изучал его до последнего винтика, пока она не села обратно.

Она ничего не заметила. Сложила салфетку мокрым внутрь, убрала её в папку и выпрямилась с видом человека, который навёл порядок хотя бы на одном квадратном дециметре этого кабинета. Я переставил стакан на подставку в виде черепахи, которую мне подарил Тай, и впервые за месяц пожалел, что не ношу пиджак. В пиджаке хотя бы есть карманы, куда можно спрятать руки, когда тебе одновременно смешно и неловко, а в бермудах остаётся только сцепить пальцы на животе и делать вид, что так и задумано.

Полчаса назад я не знал о ней ничего, кроме одного процента на телефоне и подозрительно точных сведений о тарифах на тук-тук. Теперь я знал её имя из резюме и то, что она носит с собой салфетки, сложенные вчетверо, и второе почему-то казалось важнее.

Из лобби я поднялся к себе, бросил зарядку в ящик, и только тогда Пим напомнила мне, что кандидатка на десять уже внизу. Одно с другим я не связал, потому что в голове у меня всё ещё сидел Тай.

Тай просил денег на бар с рыбками в полу, я отказал, и он сказал: «Ладно, бро, забей». Это «забей» никак не шло у меня из головы. В двенадцать лет мой брат три дня ходил за отцом с вырезками из журнала, пока тот не сдался и не купил ему черепаху, а два года назад, когда Тай открывал свой бар на Тонглоре, он звонил мне каждый вечер, пока я не подписал чек. Сдаваться после первого «нет» он не умел никогда. Пока лифт поднимался на двадцать третий,

я прикидывал, у кого он мог найти деньги, раз мои ему вдруг стали не нужны, и ни один ответ мне не понравился.

Чтобы проветрить голову, я спустился обратно и вышел через задний вход к «Севен-Элевен» за американо со льдом. Отец всю жизнь пил кофе из фарфоровой чашки, которую ему приносила секретарша, и в детстве я по звону блюдца из-за двери кабинета узнавал, что туда лучше не заходить. Я пью из пластикового стакана за сорок бат и хожу за ним сам, и это одна из немногих моих привычек, которой я горжусь без оговорок.

Когда я вернулся на этаж, она уже сидела в моём кабинете. Стены у нас стеклянные, и я увидел её из коридора, от стола Пим: прямая спина, папка на коленях, колени вместе. Я остановился со стаканом в руке и простоял так, наверное, с минуту, потому что догадывался, что будет дальше, и заранее немного скучал.

Она обернётся, узнает меня и начнёт извиняться, или скажет, что сразу почувствовала во мне директора и просто не хотела мешать разговору. Лести я за этот месяц наслушался больше, чем за предыдущие десять лет. Новые менеджеры смеялись над моими шутками раньше, чем я добирался до сути, водитель хвалил мои шлёпки, а Пим тем временем молча заказывала очередную табличку с именем для стола ассистентки.

Поэтому в кабинет я вошёл молча. Мне хотелось увидеть, что она сделает, когда поймёт, кто я, и помогать ей в этом я не собирался.

С зарядкой вышло так же. Мне она правда была не нужна, а у неё в лобби был один процент, и я помнил, с каким лицом она на него смотрела, так что хотелось просто убрать эту проблему с её стола. Но ещё мне было интересно, что она сделает с моей заботой: начнёт благодарить, извиняться или притворится, что внизу ничего не было.

Она взяла провод без единого «спасибо», воткнула телефон и посмотрела на меня так, будто теперь мы квиты. У меня было заготовлено пять вопросов, и после этого взгляда три из них куда-то делись, так что начать пришлось с самого банального.

— Давайте я задам вам вопросы, которые задают на всех собеседованиях, — сказал я, — а вы сделаете вид, что слышите их впервые. Почему Таиланд?

— Здесь тепло, — сказала она и, подумав, добавила: — И далеко.

От чего далеко, она объяснять не собиралась, это было видно по тому, как она сразу посмотрела мне в глаза, готовая отбить следующий вопрос. Следующего вопроса про это у меня не было. Десять лет назад я выбирал город по тому же принципу, и всем, кто спрашивал «почему Бангкок», отвечал тоже про погоду.

— Четыре года кассиром в банке, — прочитал я в резюме. — Почему ушли?

— Я не уходила. Я уехала. А банк остался на месте, можете проверить.

— А если я позвоню туда за рекомендацией?

— Вам скажут, что у меня за четыре года не было ни одной недостачи. И что я грубая.

— Это правда?

— Про недостачу правда.

Я засмеялся, и она посмотрела на меня с подозрением, как будто смех тоже надо было пересчитать, прежде чем принять.

— Почему вы хотите работать у нас?

— Честно?

— Попробуйте. У нас сегодня, похоже, день честности.

— Мне нужна работа с разрешением на работу, — сказала она. — А у вас, судя по вакансии, ассистенты долго не задерживаются. Значит, место наверняка свободно.

Она попала так точно, что я даже не обиделся. Табличек за месяц было три. Плой ушла на обед и не вернулась, оставив в холодильнике контейнер с рисом, который потом неделю никто не решался выбросить. Ханна прислала в три часа ночи письмо из четырёх строчек, а Джой однажды просто не пришла и больше не появлялась. Ни одна не продержалась больше двух

недель, и ни одна не объяснила почему, так что я решил, что дело во мне: я звоню по вечерам и хожу в шлёпках, а люди, которые шли работать к серьёзному американцу, к такому не готовы.

А эта сидела напротив с телефоном на моём проводе и смотрела на меня зелёными глазами, широко посаженными и совершенно спокойными, будто это я пришёл к ней наниматься. Она не извинилась за лобби и даже не похвалила вид из окна, хотя на вид из окна у меня ловятся все, от инвесторов до курьеров, и кандидатов я сажаю лицом к парку как раз поэтому.

Мне это нравилось. А ещё мне нравилось кое-что, о чём на собеседованиях думать не положено, и чем дольше мы разговаривали, тем хуже у меня получалось об этом не думать.

Блузка, застёгнутая почти до горла, натягивалась на груди каждый раз, когда она выпрямлялась, и после истории с салфеткой я точно знал, что под ней. Я так старательно смотрел ей в глаза, что она, наверное, решила, будто я пытаюсь её загипнотизировать. А потом были колготки, тонкие, телесные, в Бангкоке, в ноябре, когда к обеду обещают тридцать два. Ни одна женщина, прожившая здесь хотя бы месяц, не наденет колготки в такую погоду без серьёзной причины, и я перебирал причины, пока она рассказывала про языковую школу. Каждая следующая выходила интереснее предыдущей, и в какой-то момент я заставил себя вернуться к собеседованию.

— Последний вопрос, — сказал я. — Практический.

Я разблокировал свой телефон и протянул ей через стол. Она взяла его двумя пальцами, за самый край.

— Тридцать семь непрочитанных, — сказал я. — Вы мой ассистент, я ваш начальник, и я в отпуске. У вас пять минут.

Она посмотрела на экран, потом на меня, и в её глазах я ясно прочитал слово, которое она вслух не произнесла. Слово было не очень вежливое. Но она опустила голову и начала листать.

— Кхун Прасерт из Лаем Чабанга, — прочитала она. — Контейнер с кондиционерами третий день стоит в порту, таможня хочет оригинал инвойса. Где оригинал?

— В той папке, которую вы промокнули.

Она вытащила верхнюю папку, нашла инвойс, сфотографировала его моим же телефоном, что-то напечатала и отправила, прежде чем я успел открыть рот.

— Ваш брат, — продолжила она. — Три рыбки. Просто три смайлика с рыбками.

— Что бы вы ответили?

Она напечатала одно слово и показала мне экран: «Нет». Я засмеялся. Она не улыбнулась, но уголок её рта дрогнул, и я записал это себе в маленькую победу.

— Брэд. Гольф в субботу в семь утра. — Она пролистала дальше, и голос у неё стал совсем ровным. — Нок. «Я купила новый купальник, а ты обещал научить меня вязать морские узлы. Заберёшь меня в субботу в шесть?» Три сердечка. И фотография. — Она подняла на меня глаза. — Фотографию я зачитывать не буду.

Нок летает стюардессой в «Тайских авиалиниях», и мы видимся, когда её выходные совпадают с моими. В прошлое воскресенье они совпали, и от той лодки у меня осталась белая полоса загара у ворота и эта суббота, о которой я честно забыл. Объяснять это кандидатке в ассистенты я не собирался, поэтому откинулся в кресле и постарался выглядеть человеком, у которого по субботам гольф в семь утра, а по вечерам морские узлы. Судя по её лицу, она окончательно убедилась, что внизу была права насчёт туриста.

— У вас в субботу ужин с клиентом из Чиангмая, — сказала она. — Вот, в календаре, в восемь. Плюс гольф и узлы. Что-то придётся отменить.

— Отмените то, что сочтёте нужным.

Печатала она дольше, чем в первые два раза, а потом развернула телефон ко мне: «Нок, суббота отменяется, у меня ужин с клиентом. Узлы вяжи без меня».

Она смотрела на меня поверх экрана и ждала. Я догадывался, чего именно: что я начну объяснять, кто такая Нок и что это ничего не значит, или хотя бы попрошу смягчить «без

меня». Нок взрослая девушка и ничего не ждёт от меня, кроме лодки, когда совпадают выходные, а оправдываться перед кандидаткой в ассистенты за собственную субботу было бы уже совсем смешно.

К тому же, пока она читала вслух про купальник и узлы, я думал о том, что ногти у Зузанны короткие и без лака, что, когда она печатает, она прикусывает нижнюю губу, и что через пятнадцать минут я, кажется, стану её начальником, а начальнику о таком думать нельзя. Отец спал со своими секретаршами, мама каждый раз делала вид, что ничего не знает, и я десять лет строил свою жизнь так, чтобы ни в чём на него не походить. Начинать с ассистентки я не собирался.

«Отправить» я нажал сам. Нок прочитает, обидится до вторника и простит, когда я позову её ужинать, только звать её я, кажется, уже не стану.

— Испытательный срок три месяца, — сказал я. — Зарплата в письме от Пим, вы его видели.

— Разрешение на работу вы оформляете сразу. — Она положила мой телефон на стол экраном вниз, ровно параллельно краю. — Не через три месяца. Через три месяца у меня не будет визы. Через двадцать один день, если точно.

Торговаться ей было нечем, и мы оба это понимали. Она могла соврать, что у неё есть другие предложения, так делают все, и я сделал бы вид, что поверил. Вместо этого она назвала мне число дней и стала ждать.

— О, — сказал я. — Хорошо.

Она моргнула. По лицу было видно, что у неё был заготовлен второй довод, и мне стало немного жаль, что я его так и не услышу.

Я написал Брэду, и через две минуты он стоял в дверях. Брэд всегда появляется через две минуты, где бы ни был, и за двенадцать лет нашего знакомства я так и не понял, как он это делает. В колледже мы жили в одной комнате, и на экзамены он приходил последним, а уходил первым и с высшим баллом. Сейчас на нём была голубая рубашка с закатанными рукавами, теннисный загар до середины предплечья и обычная его улыбка, с которой он одинаково встречал и клиентов, и налоговую.

— Мисс Зузанна, — сказал он и протянул ей руку. — Брэд, юрист компании. Всё, что связано с бумагами, теперь ко мне.

— Зуза, — ответила она. — Если меня берут.

— Её берут, — сказал я.

Про визу я объяснил в двух словах, и Брэд даже не поморщился.

— Двадцать один день? Успеем. У меня в иммиграционной на Чэнг Ваттана есть человек, который мне должен.

Он достал визитку, перевернул её и написал на обороте номер.

— Это личный. Звоните в любое время, хоть ночью.

— Она по ночам катается на тук-туках, — сказал я. — Так что позвонит.

Румянец, который я уже считал побеждённым, вернулся, и Зуза посмотрела на меня так, что вместо меня засмеялся Брэд.

Пим увела её заполнять анкету. Через стекло я смотрел, как они идут по этажу мимо кофемашины, как Зуза прижимает папку к груди, а в другой руке у неё болтается телефон на моём проводе, который она забыла вернуть. Шла она быстро, коротким шагом, каким ходят в узкой юбке, и я опять подумал про колготки и опять не нашёл ответа, который бы меня устроил.

Брэд сел в кресло, где она только что сидела, и закинул руки за голову.

— Иностранка, и виза через нас, — сказал он, глядя ей вслед. — Эта от тебя уже никуда не денется.

Он засмеялся, и я тоже, потому что Брэд всегда шутит так, будто читает вслух пункт договора, и к этому за двенадцать лет привыкаешь.

Мой телефон на столе завибрировал. Зуза оставила его экраном вниз, и я перевернул его, думая, что это Нок прочитала про узлы.

«Бро, надо поговорить. Не по телефону».

Однажды Тай сделал девушке предложение голосовым сообщением, пока она стояла в душе за стенкой, и до сих пор считает, что это было романтично. Я набрал его номер. Брат сбросил, а через секунду пришло второе сообщение: «Вечером. У тебя. Не свали на яхту, как обычно, это важно».

Да что с этим идиотом такое, твою мать… Слово «важно» Тай, мне кажется, даже не знал. У него всё было просто и легко. Всегда.

* * *

Чёрт.

Глава 3. Зуза

В понедельник я пришла в офис без десяти восемь, чтобы быть первой. На прошлой работе меня за четыре года ни разу никто не опередил, и я этим втайне гордилась. Новую жизнь я собиралась начать с той же привычки.

* * *

Когда без десяти восемь двери лифта открылись на двадцать третьем, первым, что я увидела, был мой лохматый турист. Он сидел у себя в угловом кабинете, в шлёпках и серой футболке без надписей, с волосами, примятыми с одного боку, будто ночевал прямо тут, на диване. Перед ним стояли два стакана американо из «Севен-Элевен», а в руке была шаурма в фольге из ливанской лавки на Сукхумвит-сой 3, которая закрывается только к рассвету. Сначала я решила, что второй стакан для меня, и даже приготовила вежливый отказ, но он допил первый, отставил его и взялся за второй, не поднимая головы от ноутбука. Вид у него был такой, будто ночь он провёл в очереди в иммиграционной на Чэнг Ваттана, где я в мае просидела четыре часа ради одного штампа.

Между глотками он откусывал от шаурмы, и дверь кабинета была открыта, так что чавканье я услышала ещё от лифта. Чесночный соус капнул ему на футболку, прямо на грудь. Грант стёр его пальцем, а палец облизал, и это в восемь утра в кабинете директора.

— Доброе утро, — сказала я, заглянув в дверь.

— О, — сказал он. — Доброе.

Это было пятое. Я открыла блокнот на последней странице и провела там четыре палочки и пятую поперёк. Зачем я их считаю, я себе объяснить не могла, но и бросить уже не могла.

Мой стол стоял прямо у его двери, тоже за стеклом. Пим выдала мне ноутбук, пропуск и бейдж с фамилией, которую охранник внизу прочитал вслух с третьей попытки, а дальше я сделала то, с чего начинаю на любом новом месте: выдвинула все ящики и проверила, что мне досталось. Досталось немного. Степлер, три ручки, из которых писала одна, пакетик соевого соуса из доставки и пустота, протёртая влажной салфеткой до блеска. Протирала явно Пим, и явно не в первый раз. За последний месяц за этим столом сменились три ассистентки, и об этом мне в первый же день рассказала девочка из бухгалтерии у кофемашины, шёпотом и с тем удовольствием, с каким обсуждают, кто из начальства разводится.

Провод Гранта я вернула ему в тот же понедельник. Свернула восьмёркой, перетянула резинкой для волос и положила на край его стола, рядом с подставкой в виде черепахи. Он кивнул, не отрываясь от звонка. Во вторник утром провод лежал у меня на клавиатуре, намотанный на мой степлер. В среду я вернула его снова, а в четверг нашла уже воткнутым в розетку под моим столом, с концом, выведенным наверх, чтобы мне не пришлось нагибаться.

В другой момент я бы подумала, что он просто не хочет смотреть на мою задницу, пока я ползаю под столом в юбке-карандаше, в которой туда можно залезть только боком и задержав дыхание. Сама я на его посмотрела бы с удовольствием. В июне Мали сводила меня на шоу катои в «Калипсо», и после того вечера я усвоила, что лучшие ноги и задницы в Бангкоке у девушек на двенадцатисантиметровых каблуках и мне с ними лучше не соревноваться. Грант, пожалуй, прошёл бы у них кастинг в подтанцовку, и я даже знала, с какой точки на это смотреть. В среду в переговорной у него укатился под стол маркер, Грант полез за ним, и выгоревшие бермуды натянулись так, что я минуты две простояла в дверях с папкой и не могла вспомнить, зачем пришла. Он вылез с маркером и спросил, всё ли у меня в порядке. Я сказала, что

ищу протокол. Протокол лежал в папке, которую я прижимала к груди. За эти две минуты я простила ему понедельничную шаурму, и соус на футболке, и даже облизанный палец.

После истории с проводом я сдалась и оставила его у себя. Забота это или проверка, я так и не поняла, а спрашивать не стала, потому что меня не устроил бы ни один из двух ответов.

Доступ к своему календарю Грант открыл мне в понедельник к обеду, и первые полчаса я просто смотрела в него. Во вторник в два часа у него стояли три встречи сразу. В среду значилось «Прасерт???», без времени и с тремя вопросительными знаками. Каждую субботу в семь утра повторялся «Брэд гольф», а все выходные до самого января были залиты одним словом капслоком: ЯХТА.

Разбирать такое меня учили четыре года: сначала разложить по стопкам, потом считать. Клиенты у меня стали синими, порт и таможня зелёными, Брэд и всё юридическое жёлтым. Яхту я покрасила серым: что там происходит, ассистентки не касается.

Оставались встречи, которые не ложились ни в одну стопку. Их было три за две недели, и все одинаковые: время, слово «Ланч» и больше ничего, ни места, ни имени. Создал их пользователь Tyler Reed. Ближайший ланч стоял на четверг, на половину первого. Я оставила эти встречи без цвета и пошла к Гранту.

— Кто такой Ланч? — спросила я и поставила ноутбук перед ним на стол.

Грант наклонился к экрану. Я стояла у его плеча и почувствовала тот же цитрус, что в лобби, только теперь сквозь него пробивался утренний чеснок из шаурмы. Сочетание было так себе, но отодвигаться я почему-то не спешила. Отодвинулся он: вдруг откатился в кресле назад, будто вспомнил какое-то правило, и лицо у него на секунду стало таким же, как утром над вторым стаканом. Я, если честно, даже немного испугалась. До сих пор он двигался плавно и расслабленно, как каравелла в море. Каравелла в шлёпках и узких бермудах… Интересно, это жара на меня так влияет? Что за странные образы.

— О, — сказал он. — Это Тай.

Шестое. Палочку я поставила мысленно, блокнот остался у меня на столе.

— Ваш брат вносит встречи в ваш календарь, — сказала я. — Без имён и без адреса. Два уже прошли, и вы, судя по всему, на них не ходили.

— Доступ у него с тех пор, как он два месяца у нас работал. Отвечал за развитие. — Грант подумал. — Развил в основном кофемашину.

— Он ушёл, а ключ от хранилища унёс с собой.

— В банке так говорят?

— В банке в тот же день меняют замки. С кем у вас ланч в четверг?

— Понятия не имею. Может, с девушкой, которую он хочет мне показать. Может, с человеком, который продаёт рыбок оптом.

— Тогда я его удалю.

— Не надо. — Он улыбнулся той улыбкой, с которой в лобби отказывал брату в рыбках. — Удалю, и Тай обидится и неделю будет мне звонить. А если оставить, он, может быть, сам придёт в четверг и расскажет, кого позвал. Пусть стоит.

Объяснение было разумное, только слишком подробное для «пусть стоит».

Я вернулась за свой стол и через стекло видела, как он берёт телефон, долго смотрит на экран и кладёт его обратно, так ничего и не нажав. Через минуту он сделал это ещё раз. Мужчина, который смотрит в телефон и ничего не нажимает, в моей жизни уже был, и ничем хорошим это не кончилось. Только тот прятал экран от меня, а этот, кажется, забыл, что у него стеклянные стены.

Брэд объявился во вторник после обеда, ровно через две минуты после того, как я написала ему, что копии документов готовы. Он сел на край моего стола, улыбнулся своей улыбкой для клиентов и налоговой и сказал, что его человеку в иммиграционной нужен оригинал паспорта, на одну ночь.

Паспорт я ему отдала не сразу. Четыре года я принимала у людей документы через лоток и ни разу не выпустила чужой паспорт из рук дальше, чем на длину стола, а тут предлагалось отдать свой собственный мужчине, которого я видела второй раз в жизни, и ехать домой без него. Я взяла фирменный бланк Reed Logistics, написала расписку с номером паспорта и сегодняшним числом и развернула к Брэду.

— Двенадцать лет практики, — сказал он, расписываясь, — и мне впервые выдают расписку. Можно я её потом сфотографирую для мамы?

— Можно, когда вернёте паспорт.

Он засмеялся и ушёл с моим паспортом в нагрудном кармане голубой рубашки, а я весь вечер у тётушки Ной трогала сумку в том месте, где паспорт обычно лежит. В среду в девять паспорт уже лежал у меня на клавиатуре, в конверте, вместе с квитанцией о подаче и стикером: «Подано. Человек доволен. Б.» Я на всякий случай пересчитала страницы и только тогда выдохнула. В то утро я впервые с мая не стала считать, сколько дней осталось до конца визы, и до одиннадцати ходила по офису с таким лицом, что девочка из бухгалтерии спросила, не выиграла ли я в лотерею.

В одиннадцать я несла Пим подписанные счета и у самого ресепшена чуть не налетела на двоих мужчин в костюмах. В календаре их не было ни под каким цветом, это я знала точно, потому что календарь теперь был мой. Тёмные костюмы, галстуки, начищенные туфли, и это при тридцати градусах за окном, когда даже Брэд ходит с закатанными рукавами. Старший, с седыми висками, подошёл к стойке, а младший держал за ним бумажный пакет с ручками, как держат чужой зонт. Я остановилась со своими счетами у колонны и видела, как старший сложил ладони и поклонился Пим и как Пим поклонилась в ответ ниже, чем кланялась курьерам.

Они спрашивали мистера Тайлера. Пим сказала, что его нет. Старший кивнул без всякого удивления, и младший поставил пакет на стойку.

— Для мистера Тайлера, — сказал старший по-английски, мягко и очень чисто. — И для офиса. Мы зайдём ещё.

Имени он не оставил. Я дождалась, пока двери лифта за ними закроются, положила счета Пим на стойку и спросила, кто это был и куда мне их записать.

— Они не назвались, — сказала Пим.

В пакете лежали манго, жёлтые, крупные, каждое в своей пенопластовой сеточке, штук десять. В ноябре манго не сезон, и за такие в «Гурме Маркете» в Эмпориуме, по моим прикидкам, отдали бы бат восемьсот, если не всю тысячу. Пим взяла пакет за самые кончики ручек, отнесла на кухню и поставила на дальний край столешницы, за микроволновку. Потом вернулась к себе и больше в сторону кухни не смотрела.

Гранту я сказала сразу, раз уж записать их было некуда.

— О, — сказал он. Двадцать третье. — Что они сказали?

— Что зайдут ещё.

Он встал, вышел на кухню, постоял над пакетом, скрестив руки на груди, и вернулся к себе, ничего не тронув.

Я тоже сходила посмотреть. Манго как манго, жёлтые, без единого пятнышка, и пахли так, что у меня свело скулы. Я перебрала в голове всё, чему за полгода научилась у Мали: не трогать чужую голову (хотя девочки в гоу-гоу баре на Сой Ковбой, куда мы с Мали иногда заходим выпить, почему-то не против, если ты купил им коктейль), не показывать ни на что ногой, не наступать на упавшую монету, потому что на ней король. Про манго там ничего не было, но полгода срок небольшой. Я сфотографировала пакет прямо на кухне и отправила Мали с вопросом, нет ли у тайцев приметы, по которой подаренные манго есть нельзя.

Мали ответила через минуту, у неё в кафе как раз было затишье перед обедом. «Котик, манго едят все. Если вы не едите, отдай мне каааа». Три смайлика с высунутым языком, а следом: «А теперь покажи туриста».

Показывать я не собиралась. Но когда я вернулась за свой стол, Грант сидел у себя за стеклом, закинув ногу на ногу, шлёпка опять висела у него на большом пальце, а Мали, я знала, всё равно не отстанет. Я сделала вид, что читаю почту, и сфотографировала его поверх ноутбука. Вышло смазанно: стекло, блик от окна и мужчина в шлёпках, который смотрит в телефон.

«Котик, — написала Мали. — Это тоже едят все. Если ты не будешь, отдай мне кааaа».

Я ответила, что на работе не ем, и положила телефон экраном вниз, ровно параллельно краю стола.

До вечера я ждала, что мужчины в костюмах вернутся. Вместо них на следующий день, в четверг в одиннадцать, пришёл Тайлер, и весь этаж услышал его раньше, чем увидел.

Он нёс две коробки пончиков из «Криспи Крим» и здоровался со всеми по именам, пока шёл от лифта: спросил у Пим про колено её мамы, назвал бухгалтерию «мои королевы», а курьеру, который ждал подписи, сунул пончик с розовой глазурью раньше, чем тот успел отказаться. Ростом он был ниже брата и уже в плечах, волосы светлее и кудрявее, а глаза те же, серые, только без морщинок в углах, потому что смеялся он, видимо, на несколько лет меньше. Улыбка у него была из тех, которым сразу хочется дать в долг. Таких людей я встречала. Платили они обычно не сами.

Коробки он поставил прямо на мой стол.

— А! — сказал он. — Та самая. Которая сказала «нет» моим рыбкам.

Брат, значит, акал. Хорошо хоть не окал, второго блокнота с палочками я бы не потянула.

— Я сказала «нет» от имени вашего брата, — ответила я. — Лично я к рыбкам отношусь нейтрально.

— Значит, у рыбок есть шанс. — Он открыл коробку и подвинул ко мне. — Берите, пока бухгалтерия не прибежала.

Я взяла шоколадный, потому что отказываться от пончиков в первую неделю невежливо, и, пока он не ушёл, развернула к нему ноутбук.

— Сегодня в двенадцать тридцать у Гранта ланч, — сказала я. — Его внесли вы. Мне нужно знать, с кем и где, чтобы забронировать стол.

— А, его не надо бронировать. Это такой… неформальный ланч.

— На первые два ваш брат не пришёл, — сказала я. — Может, ему не нравится меню?

— Вы мне нравитесь, — сказал Тай. — Грант всегда нанимает людей, которые меня не любят. Хм… Думаете, сменить на что-то средиземноморское? Как вас, кстати, зовут?

— Зузанна.

— Зуза, — тут же сократил он, хотя разрешения ему никто не давал. — Так что думаете насчёт кухни, Зуза?

— Думаю, кухню выбирает тот, кто платит. С кем ланч, Тай?

— С хорошими людьми. Они давно хотят познакомиться с моим братом, а у моего брата вечно нет времени на хороших людей.

— Имена у хороших людей есть? Мне нужно что-то написать вместо «Ланч».

— Напишите «сюрприз». — Он всё ещё улыбался, но смотрел уже мимо меня, на стеклянную стену кабинета, за которой Грант говорил по телефону и пока нас не видел.

— Вчера ваши хорошие люди приходили сами, — сказала я. — Двое, в костюмах. Имён не оставили, зато оставили вам манго.

Улыбка у него осталась на месте, только держал он её теперь отдельно от всего остального. Я видела такое у клиентов, когда терминал писал «недостаточно средств»: лицо держится, а пальцы уже ищут в кошельке другую карту. Тай посмотрел в сторону кухни, потом на свои часы, на которых, я готова поклясться, не было ничего интересного.

— Чёрт, — сказал он. — Я бросил машину на Сукхумвите под знаком, где эвакуатор приезжает быстрее такси. Пончики всем! Пи Пим, привет маминому колену!

Грант как раз положил трубку и поднялся из-за стола, но, когда он открыл дверь кабинета, двери лифта уже съехались. Он постоял на пороге, глядя на лифт, и я впервые за неделю не нашла в его лице ничего туристического. В половине первого он никуда не пошёл. Пим принесла ему коробку риса с курицей, и он съел её за столом, не отрываясь от ноутбука.

Пончики на кухне кончились за семь минут, я засекла. Пакет с манго за микроволновкой за это время никто не тронул, хотя мимо него прошёл весь этаж, а девочка из бухгалтерии, которая утром съела два пончика, обошла его стороной, как обходят на полу чужую сдачу.

В три у Гранта были переговоры с гонконгской транспортной компанией, синие, и он попросил меня вести протокол. Гонконгцев было трое, все в костюмах, и к ним юрист в костюме, который выглядел ещё дороже. Грант пришёл в переговорную в той же серой футболке и в шлёпках, сел во главе стола и закинул ногу на ногу, и я видела, как юрист посмотрел на шлёпку, повисшую на большом пальце, и расслабился.

Здесь костюм за сто тысяч бат, похоже, говорил о снобстве, и к американцу в узких бермудах и грязных шлёпках относились теплее: с ним хотелось договориться.

Договор был на сорок две страницы. Утром я распечатала его сама, и он грел мне руки, пока я несла его от принтера. Грант листал его, пока гонконгцы рассказывали, как им нравится Бангкок, и я решила, что он просто ищет страницу для подписи.

— О, — сказал он очень дружелюбно.

А дальше заговорил о пункте четырнадцатом, по которому Reed Logistics отвечает за груз с той минуты, как контейнер сняли с судна в Гонконге, хотя выгружает и хранит его там их собственный терминал. Потом о пункте двадцать втором, где форс-мажор почему-то не включал наводнения, и это в Таиланде, где сезон дождей случается каждый год. Говорил он спокойно, со смешком, будто рассказывал анекдот про собственного брата, и юрист с каждой его фразой садился всё прямее. Через десять минут юрист пообещал прислать новую редакцию к понедельнику, а гонконгцы смеялись над шутками Гранта уже не из вежливости.

Я записывала всё это в протокол и злилась. Перед каждым пунктом, на котором он их ловил, Грант говорил своё «о», и теперь я знала, зачем оно ему: пока он тянет это «о», он дочитывает мелкий шрифт. В лобби я объясняла ему цены на тук-тук, а он сидел там в шлёпках с такой головой, что юристы неделю прятали от него два пункта и не спрятали. Неделю назад мне хотелось, чтобы он зачитал мне вслух условия моего потребительского кредита. Теперь я знала, что он ещё и нашёл бы в них пункт, на котором меня облапошили. Что делать с ним теперь, я не знала, и злилась от этого ещё сильнее.

Смотрела я при этом на его руки. Он подчёркивал строчки на полях карандашом, мелко и ровно, и на запястье у него светились те самые выгоревшие волоски, и я думала, что так же спокойно и без спешки он, наверное, делает всё, за что берётся. На этой мысли я записала в протокол слово «запястье» и потом долго его зачёркивала, чтобы никто не прочитал. К вечеру четверга палочек в блокноте было тридцать девять.

В пятницу после обеда кухня пахла манго так, что запах доходил до моего стола. Пакет стоял за микроволновкой третий день, манго в нём дозрели и начали темнеть на боках, и ещё день-два, и их пришлось бы выбросить. Бабушка в детстве выставляла меня из-за стола за недоеденную кашу, и там, где я выросла, еду не выбрасывали, тем более такую. Пакет, в конце концов, оставили «и для офиса», а я теперь тоже была офисом. Я выбрала самое спелое, взяла на кухне нож и тарелку и разрезала его за своим столом так, как меня в первую неделю научила Мали: две половинки вдоль косточки, сеточку по мякоти и вывернуть.

Пим подошла, когда я доедала первую половинку. В руках у неё была картонная коробка из-под бумаги для принтера и новая табличка с моим именем, ZUZANNA, белые буквы на чёрном.

— Канцелярия теперь ваша, — сказала Пим и поставила коробку на дальний от тарелки край стола. — Здесь старые таблички. Мистер Грант не разрешает их выбрасывать.

Она посмотрела на манго у меня на тарелке, потом на меня и ничего не сказала. Пим вообще говорила мало, но в этот раз, по-моему, промолчала нарочно. Зачем Гранту таблички сбежавших ассистенток, я спрашивать не стала. Похоже, у каждого в этом офисе был свой блокнот с палочками.

В коробке лежали три таблички, каждая в своём прозрачном файле: PLOY, HANNAH, JOY. Свою я положила сверху, примериться, и мне не понравилось, как она там смотрится. Я вытащила её обратно, а вместе с ней зацепила файл Ханны, и из него на стол выпал жёлтый стикер, сложенный пополам.

Почерк был круглый, с сильным нажимом, по-английски. Четыре слова и одна буква.

«Не бери у них манго. Х.»

Манго у меня во рту было сладким и спелым, лучшим за полгода, и я сидела над стикером и не знала, проглотить кусок или выплюнуть в салфетку, сложенную вчетверо.

Глава 4. Грант

Тай продержался у её стола меньше минуты. Я как раз договаривал с Прасертом про контейнер и видел через стекло, как брат ставит перед ней коробки с пончиками, а Зуза, не дослушав, разворачивает к нему ноутбук. В понедельник она точно так же развернула ко мне свой календарь и спросила, кто такой Ланч.

Тогда она стояла у моего плеча и наклонилась к экрану, и её волосы, тяжёлые и чёрные, качнулись у самой моей щеки. Пахло от неё тем же простым мылом, что на собеседовании. Про календарь я уже не слушал, только дышал этим мылом, и откатился в кресле раньше, чем успел придумать для этого приличный повод. Зуза посмотрела на меня так, будто я при ней уронил пачку денег и не стал поднимать, и я наконец сказал ей, что Ланч это Тай.

Теперь у её стола стоял Тай и улыбался так широко, как улыбается, только когда врёт. Потом он посмотрел в сторону кухни, потом на свои часы, крикнул что-то про эвакуатор и уехал на лифте, пока я открывал дверь кабинета.

На кухне за микроволновкой со среды стоял пакет манго. Его принесли двое мужчин в тёмных костюмах, спросили мистера Тайлера, сказали, что зайдут ещё, и не оставили имени. Пим, когда я спросил, кто это был, ответила, что они не назвались, и отвела глаза, а за десять лет я ни разу не видел, чтобы Пим отводила глаза, даже от налоговой.

В три у нас были гонконгцы, и Зуза весь час вела протокол. Я ловил их юриста на четырнадцатом пункте и на двадцать втором, а сам краем глаза видел, как она что-то долго и старательно зачёркивает в своих записях, и мне ужасно хотелось узнать, что именно. Гонконгцев я отпустил в половине пятого, а в шесть спустился на улицу и взял мотосай у бизнес-центра, потому что в четверг вечером до Эккамая на машине можно ехать до пятницы. Водитель в оранжевом жилете назвал сто бат. Я сказал «восемьдесят», и он посмотрел на мои шлёпки, потом на меня, пожал плечами и протянул мне шлем, и первый квартал я думал, что Зуза бы мной гордилась.

Потом думал уже про Тая. Неделю назад он пришёл ко мне в девять, съел мой вчерашний пад-тай прямо из контейнера и два часа рассказывал, какие рыбы живут дольше всего, если правильно подобрать грунт. Вилку он за весь вечер так и не выпустил из рук. Я два раза спрашивал, о чём он хотел поговорить, а Тай отвечал «сейчас, бро» и переходил на цихлид. Так мало того что не сказал, зачем приходил, он и не рассказал, что такое этот цихлид, чтоб его… В полночь он обнял меня в дверях, сказал «Ладно, бро, в другой раз» и ушёл, а я до трёх ночи просидел на балконе и перебирал, во что он мог влезть. Если на Тая давить, он заговорит про рыбок ещё на два часа, это я знал с детства, поэтому решил дать ему пару дней, чтобы он пришёл сам, и всю неделю брал телефон позвонить ему и клал обратно. Сегодня он сбежал от моей ассистентки, и ждать, пока он созреет, я больше не собирался.

Кондо на Эккамае брату купила мама, когда он в первый раз бросил университет, и с тех пор там мало что изменилось, кроме аквариума. Аквариум литров на двести занимал полстены в гостиной, и в нём плавала одна рыба, оранжевая и толстая, с обиженным ртом. Тай называл её «пилотным проектом».

Сам он открыл мне дверь с полупустой спортивной сумкой в руке.

— А! — сказал он. — Бро. А я как раз…

— Куда?

— В Паттайю, проветриться на пару дней.

— От людей в костюмах?

Он засмеялся, но сумку поставил, и я понял, что разговор у нас всё-таки будет. Тай всю жизнь врёт хорошо, пока у него заняты руки, а когда руки освобождаются, он начинает их

тереть, как будто замёрз, и врать у него уже не получается. В детстве по этим рукам я узнавал, кто разбил мамину вазу.

Он сел на подлокотник дивана и стал смотреть на рыбу.

— Бар закрылся в мае, — сказал он.

Я был там в последний раз в апреле. Тай тогда налил мне что-то синее с зонтиком и сказал, что дела «просто огонь», а я сделал вид, что не замечаю, как в пятницу вечером у него за стойкой сидят четыре человека и все они его друзья.

— Аренда, поставщики, налоговая. — Он загибал пальцы и на четвёртом сбился. — Я был должен всему Тонглору, Грант. Мне было стыдно опять идти к тебе с чеком. Ты бы опять подписал и опять посмотрел на меня вот так, как сейчас.

— Я ещё никак не смотрю.

— Смотришь. — Он потёр ладони. — Мне предложили закрыть долги одни инвесторы.

— Под какой залог?

— У меня не было залога. Ни денег, ни бара. — Он не отрывал глаз от рыбы. — Я дал им гарантию.

— Какую гарантию?

— Бро, это формальность. Они сами так сказали.

Больше он про гарантию ничего не сказал, сколько я ни спрашивал. Тай посмотрел на рыбу, а рыба на него, и я впервые позавидовал рыбе: между ней и моим братом хотя бы было стекло.

— Сколько ты взял?

— Шесть миллионов.

Я быстро перевёл в доллары. Выходило около ста семидесяти тысяч, неприятные деньги, но не смертельные, и я почти обрадовался.

— Я отдам. Завтра же.

— Я им предлагал. — Тай впервые за вечер посмотрел прямо на меня. — Сказал, что брат вернёт всё, с процентами. Они даже слушать не стали. Им не нужны деньги, Грант. Им нужен партнёр с лицензией и портом. Один контейнер, может, два.

Я встал и начал ходить по гостиной, но на полу у Тая лежали журналы про аквариумы, и на втором круге я споткнулся о «Цихлиды Малави» с какими-то пёстрыми рыбками на обложке.

— Что в контейнерах?

— Я не спрашивал.

— Почему?

— Потому что не хочу знать. — Руки у него теперь не останавливались. — И ты не хочешь.

— Кто они?

— Сами придут и скажут. Сходи с ними на ланч, один раз. Я три раза ставил тебе в календарь, ты ни разу не пришёл. Они очень вежливые люди, ты сам увидишь.

— Я заметил. Они носят галстуки в тридцать градусов и дарят манго в ноябре.

— Вот видишь, — с надеждой сказал брат.

Если я соглашусь, любой контейнер, который выйдет из порта под именем моей компании, будет моим контейнером, что бы в нём ни лежало, и для гражданина США это пахнет федеральной тюрьмой.

— Нет, — сказал я.

Тай вздрогнул, хотя сказал я это тише, чем «нет» в лобби про рыбок.

— Только не говори им «нет» так, как мне, — попросил он. — Им так нельзя.

Он застегнул сумку. Мне хотелось взять этого придурка за шиворот и потрясти, а потом обнять, как в детстве, когда внизу ругались, а я уводил Тая к себе в комнату и включал ему

мультики погромче. В лифте я сообразил, что за весь разговор он не назвал мне ни одного имени и, главное, ни разу не попросил денег. Такого с ним не случалось с тех пор, как он научился говорить «бро».

* * *

Ночью я опять сидел на балконе, и в пятницу соображал с трудом. Прасерт прислал отчёт по контейнеру с кондиционерами, а я смотрел мимо монитора, через стекло, на свою ассистентку.

Она всю неделю что-то черкала на последней странице блокнота: ставила палочки и каждую пятую проводила поперёк четырёх, как у нас на складе считают ящики. С утра я решил проверить. Дважды молча положил ей на стол бумаги, и палочек не прибавилось. Потом спросил, не звонил ли Прасерт, и она тут же поставила одну. Значит, она считала что-то, что я говорю. Чужой контракт на сорок страниц я разбираю за десять минут, а тут неделю не мог понять, что именно она пересчитывает.

После обеда я опять поднял глаза от отчёта и увидел, что Зуза ест манго.

Она сидела у себя за стеклом с тарелкой и ножом с нашей кухни и разрезала его ёжиком, как режут тайцы. Я даже привстал. Потом сел обратно, потому что не представлял, что ей скажу. «Не ешьте манго, их принесли люди, которым мой брат должен шесть миллионов»? К вечеру у Пим на столе лежала бы заявка на новую табличку. За месяц от меня ушли три ассистентки, и всё это время я валил вину на себя и свои шлёпки. Глядя, как Зуза ест манго, я впервые задумался, кто ещё заходил в офис, пока меня не было.

Сок стекал у неё от пальцев к запястью, по бледной коже, сквозь которую просвечивала голубая жилка, и Зуза слизнула его кончиком языка, деловито, как облизывают конверт, не отрываясь от тарелки. Губы у неё остались блестящими от манго, и их она облизала тоже. Я отвернулся к монитору и думал, какой этот сок на вкус, если слизнуть его с её запястья самому, и дальше, от запястья к локтю. Бермуды от этих мыслей стали мне тесноваты, а отчёт Прасерта я перечитал три раза и так и не понял, что там с кондиционерами.

Потом к ней подошла Пим с коробкой, в которой я хранил старые таблички. Пим каждый раз спрашивала, можно ли их выбросить, и каждый раз я говорил «пусть полежат». У отца секретарши менялись раз в год, и наутро после того, как очередная исчезала, на её столе уже стояла новая табличка, а старая лежала в мусорной корзине у лифта. В девять лет я вытащил оттуда «Мисс Кэрол» и спрятал под кровать, потому что мисс Кэрол угощала меня мятными леденцами и единственная в том офисе называла меня по имени. С тех пор чужие таблички я не выбрасываю, хотя ни одна из моих трёх ассистенток не успела угостить меня даже леденцом. Отца мисс Кэрол, как я понял лет через десять, угощала кое-чем послаще леденцов, и, судя по тому, как звенело блюдце за дверью кабинета, прямо у него на столе.

Зуза положила свою табличку, новую, сверху и тут же вынула обратно, и я обрадовался этому больше, чем полагается начальнику.

В шесть я написал Брэду, и через две минуты он стоял в дверях с двумя бутылками «Сингха» из нашего холодильника. Он сел в кресло, куда я сажаю кандидатов, закинул ногу на угол моего стола и открыл обе бутылки зажигалкой.

Я рассказал ему всё, от закрытого бара и шести миллионов до пакета за микроволновкой. Брэд слушал и не перебивал. Только переспросил, что за гарантию Тай им дал, и, когда я сказал, что брат так и не признался, долго молчал, а потом спросил, как выглядели те двое и не оставили ли они визитку.

— Пим сказала, что они не назвались.

Брэд хмыкнул и долго разглядывал этикетку на бутылке.

— Дай мне неделю, — сказал он наконец. — Спрошу своего человека в порту, кто эти двое, и выясню, что ещё у них на руках. А ты пока не ходи ни на какие ланчи и ассистентке своей ничего не говори. Она у нас пятый день, испугается и сбежит, как те три, а мне потом опять оформлять визу новой.

Пока он говорил про визы, Зуза за стеклом собиралась домой. Она закрыла CargoWise на офисном компьютере, выключила его и ноутбук, поставила ручки в стакан, убрала блокнот в сумку и стала искать под столом лодочки, которые, как я заметил ещё после обеда, давно сбросила. Одну она нашла ногой не глядя, а вторая уехала дальше. Тогда Зуза вытянула ногу в телесной колготке, поддела туфлю пальцами и потянула к себе, медленно, сосредоточенно, с тем же лицом, с каким разбирала мой календарь. Я забыл, о чём меня спросили, и ответил невпопад:

— Мне не нужна громкая история, Брэд.

— Значит, её не будет.

Он стукнул своей бутылкой о мою и до конца пива рассказывал про новый катер, на который, по его словам, копил три года. Зуза помахала Пим и уехала на лифте.

* * *

В понедельник Зуза заглянула ко мне без двух минут десять, с кошельком в руке, и спросила, не взять ли мне американо, раз она всё равно идёт в «Севен-Элевен».

— О, — сказал я. — Да, спасибо.

Она что-то черкнула в блокноте, который держала под мышкой, и ушла, не дождавшись денег. За неделю она впервые сделала для меня что-то, о чём я не просил, и я смотрел через стекло, как она идёт к лифту.

За десять лет в Бангкоке мне ни разу не пришлось искать, на кого посмотреть. В этом городе на тебя смотрят сами, от стюардесс вроде Нок до катоев на Нана Плаза с такими ресницами, что ими можно подметать пол, и никто из них не спрашивает, кем ты работаешь. Я привык к этому вниманию, как привыкают к жаре, и давно перестал его замечать.

На Зузу я смотрел по-другому. Юбка-карандаш позволяла ей шагать только коротко, и при каждом шаге ткань натягивалась то на одном бедре, то на другом, а выше юбка обтягивала попу, и туда я смотрел, пока Зуза не дошла до лифта. Колготки она носила уже вторую неделю, телесные, тонкие, в тридцать градусов. Любой другой женщине в этом городе я сказал бы, что это безумие, а на ней они блестели под офисными лампами, и мне хотелось провести по ним ладонью от колена вверх. Что именно я собирался там проверить, я себе так и не ответил. Лодочки у неё были чёрные, на низком каблуке, такие покупают для собеседований и похорон, и ничего сексуального в них не было. Я всё равно представлял её в одних этих лодочках.

Потом я напомнил себе, что я её начальник, и уставился в монитор, но ненадолго: Зуза у лифта переступила с ноги на ногу и одёрнула юбку. Двери лифта за ней закрылись, и почти сразу, ровно в десять, открылись соседние.

Из лифта вышел невысокий пожилой таец в светло-сером костюме, сшитом точно по нему. Седые волосы у него были гладко зачёсаны назад, на носу сидели круглые очки в тонкой оправе. За ним шагнул молодой человек в тёмном костюме, наверное, тот самый, что в среду держал пакет, и остался у лифта, сложив руки перед собой. Пим поднялась из-за стойки, сложила ладони у лица и поклонилась ниже, чем кланяется клиентам. Старик ответил ей коротким кивком, каким старшие отвечают младшим.

На ресепшене он не остановился. Сначала он прошёл на кухню, заглянул за микроволновку и постоял над пакетом с манго, слегка наклонив голову. Потом вернулся на этаж, отодвинул кресло моей ассистентки, сел в него, положил ладони на колени и стал ждать.

Я его не узнал. Я сидел за стеклом и смотрел, что он будет делать дальше, потому что так я привык на переговорах: никогда не выходи первым, пусть человек сам покажет, зачем пришёл. Старик ничего не делал. Он смотрел на табличку ZUZANNA и, кажется, улыбался ей.

Зуза вернулась через шесть минут с двумя стаканами. Увидела чужого человека в своём кресле, остановилась на полушаге, и я понял, что сидеть больше нельзя. Я открыл дверь кабинета как раз вовремя, чтобы услышать начало.

— Доброе утро, — сказала она по-английски. — Вы сидите на моём месте.

— Я жду мистера Рида, — ответил старик мягко и очень чисто.

— Мистера Рида удобнее ждать вон там.

Она указала на диван у ресепшена, раскрытой ладонью снизу вверх, как это делают тайцы, и я подумал, что за полгода её хорошо учили.

— Если вы записаны, я вас сразу проведу. Вы записаны?

— Нет.

— Тогда я вас запишу. — Она поставила оба стакана на край стола, забрала свой ноутбук прямо у него из-под носа и раскрыла его на согнутой руке, как официантка раскрывает блокнот. — Ваше имя?

— Сомчай. Сомчай Чароенсук.

Фамилию она напечатала не моргнув, а мне эта фамилия была знакома. Лет семь назад она стояла в «Бангкок пост»: склад в порту Клонгтой сгорел вместе с таможенными документами, два свидетеля поменяли показания, и дело закрыли за отсутствием состава. Там же была фотография. Невысокий человек в светлом костюме выходит из суда и улыбается фотографу так же, как сейчас улыбался моей ассистентке. Одного из тех двух свидетелей через месяц вытащили из канала у Клонгтоя. Про второго газета больше не писала.

У меня вспотели ладони. Я сидел за стеклом в своих шлёпках, а в трёх метрах от меня человек, после которого свидетелей достают из канала, смотрел на табличку с именем моей ассистентки. Твою же мать.

— Цель встречи? — спросила Зуза.

— Манго, — сказал Сомчай.

Она напечатала и это и закрыла ноутбук.

— Пересядьте, пожалуйста. Мне нужно работать, а вам на диване будет удобнее.

Кхун Сомчай посмотрел на неё поверх очков. Брови у него поползли вверх, и на секунду лицо стало таким, какое бывает у человека, которому лет тридцать никто не говорил «пересядьте». Молодой человек у лифта шагнул было к нам, но Сомчай, не оборачиваясь, приподнял над коленом два пальца, и тот вернулся на место. Я перестал дышать. Потом старик тихо рассмеялся, коротко, будто внучка отчитала его за обедом, поднялся, застегнул пиджак на одну пуговицу и пошёл к дивану.

Человек такого возраста и такого костюма пересел по просьбе девушки-фаранга, которая годится ему во внучки, а интерес в его глазах мне понравился меньше всего. На полпути он увидел меня в дверях и улыбнулся ещё шире.

— Мистер Рид. Простите, что без записи. Ваша ассистентка меня уже записала. — Он оглянулся на Зузу. — Она мне нравится.

Я провёл его к себе. В кабинете он развернул стул спинкой к окну, лицом к двери, и только тогда сел. На вид, который помогал мне в переговорах, Сомчай даже не посмотрел.

Говорил он неторопливо, по-английски лучше, чем половина моих клиентов, и начал издалека: внучка у него учится в Бостоне и жалуется на снег, а манго в этом году из Чачунгсао, с сада его двоюродного брата, поздний сорт, такого в магазинах нет.

— Кто-то в вашем офисе их попробовал, — сказал он. — Хорошо. Значит, нам здесь рады.

— Ваш брат очень хороший молодой человек, — продолжил Сомчай. — У него красивая рыба. Оранжевая, в большом аквариуме. Мои люди были у него в гостях, им понравилось. — Он помолчал, давая мне это услышать. — Немного торопливый молодой человек. Он оставил нам кое-что как гарантию. Я не люблю такие бумаги, мистер Рид, от них люди становятся нервными. Я знаю, как делается бизнес в моей стране, и ничего не имею против того, чтобы обойти пару правил ради рабочих мест и солидных сумм в экономику и налоги. Но в нашем деле без гарантий нельзя. Поймите меня правильно.

Я не понимал, о каких бумагах он говорит. Тай сказал, что денег они не берут, но Тай за всю жизнь ни разу не сумел ни о чём сторговаться, и я решил проверить, есть ли у Сомчая цена.

— Я верну за брата двойную сумму, — сказал я. — Двенадцать миллионов. Завтра.

— Ваш брат говорил, что вы предложите деньги. — Сомчай кивнул, как кивают ребёнку, который правильно решил задачу, но не ту. — Деньги нам не нужны. Нам нужна небольшая услуга. Логистика — ваше ремесло, мистер Рид, а не наше. Один контейнер через ваш порт, под вашими бумагами. Подробности я расскажу за обедом, если вы позволите себя пригласить. Ваша ассистентка, я думаю, найдёт для этого время в вашем календаре.

Я посмотрел через стекло на Зузу. Она уже сидела у себя, с моим американо на краю стола, и печатала, прикусив нижнюю губу. Таможенные декларации у нас с прошлой недели готовит она, а с сегодняшнего дня и подписывает: доверенность на подпись предложил Брэд, когда оформлял ей разрешение на работу. «Ассистентке без права подписи на таможне делать нечего», — сказал он, и я вспомнил, как на собеседовании она за минуту отправила Прасерту инвойс, и подписал. Если через порт пойдёт контейнер Сомчая, первой на таможне спросят девушку с визой через нашу компанию. Брэд тогда пошутил, что эта от меня никуда не денется. Теперь его шутка мне совсем не нравилась.

Я отвёл глаза от стекла и наткнулся на взгляд Сомчая. Он смотрел туда же, куда только что смотрел я, и улыбался.

— Иммиграционная полиция в последнее время очень внимательна к иностранцам, — сказал он тем же голосом, каким рассказывал про внучку. — Было бы жаль, если бы она начала задавать лишние вопросы вашим сотрудникам. Тем более таким хорошо воспитанным и грамотным. — Он снял очки, протёр их платочком и надел обратно. — А в Клонгтое, мистер Рид, иногда горят склады. Сами собой. Жара.

Злобы в его голосе не было ни капли, и от этого было страшнее всего. О Зузе он говорил с той же теплотой, что о позднем сорте манго из сада двоюродного брата, и мне захотелось встать между ним и стеклом.

Я мог бы сказать «нет» так же, как сказал его Таю в лобби, громко, на весь этаж, чтобы Сомчайслышал его до самого первого этажа. Но в ушах у меня стоял брат со своим «им так нельзя», и я впервые за десять лет в Бангкоке подбирал слова так, как подбирал их отец, когда разговаривал с людьми, которых боялся.

— Боюсь, партнёрство меня не интересует, кхун Сомчай, — сказал я. — Но спасибо за манго.

Голос у меня вышел ровный и вежливый, и я сам себе был противен.

— Понимаю, — кивнул Сомчай.

Он достал из внутреннего кармана сложенный вдвое лист и положил его на край моего стола, не разворачивая.

— Мы тоже не любим громких историй, мистер Рид. Подумайте. Я не тороплю.

Он посмотрел на часы, тонкие, золотые, и поднялся. Была половина одиннадцатого, минута в минуту.

— Полчаса, — сказал он. — Не люблю отнимать у людей больше.

Я проводил его до лифта. У стола Зузы он остановился. Она подняла голову от ноутбука, и Сомчай сложил перед ней ладони и слегка поклонился. Зуза растерянно поклонилась в ответ, не вставая.

У лифта он повернулся ко мне. Молодой человек уже держал двери.

— Хорошая ассистентка, — сказал кхун Сомчай. — Берегите её.

Двери лифта закрылись. Только тогда я заметил, что футболка прилипла у меня к спине. Я вернулся в кабинет и развернул лист. Свою бумагу я узнал сразу: копия соглашения из моего сейфа, на тайском и английском, а внизу две подписи, моя и Пим. Лист у меня в руке дрогнул, и я сел, хотя садиться не собирался.

По тайскому закону фаранг не может владеть своей логистической компанией, поэтому по документам большая часть Reed Logistics принадлежит Пим, которую десять лет назад нашли мне люди Брэда, а по этой бумаге всё принадлежит мне. Так устроена половина фарангговских компаний в Бангкоке, и все молчат, пока такая бумага не попадёт в министерство коммерции. Тогда компанию закрывают за один день, фаранга высылают из страны, а таких, как Пим, сажают. Код от сейфа я сам дал Таю три года назад, когда он два месяца у меня работал, и так и не сменил.

Двенадцать миллионов я мог отдать хоть завтра. Копию мне не вернёт никто, а сколько раз её успели отксерить, я даже думать не хотел. Жопа.

Через стекло я видел Пим за стойкой. Она сидела очень прямо и в мою сторону не смотрела. Десять лет она приходила в офис раньше меня и уходила позже. Если эта бумага попадёт куда надо, меня просто посадят в самолёт. А её посадят по-настоящему.

Глава 5. Зуза

По субботам Мали подаёт кхао ниао мамуанг, клейкий рис с манго и кокосовыми сливками, и пишет об этом мелом на доске у входа, большими буквами и с тремя сердечками. Доску я увидела ещё с угла и честно подумала развернуться. После пятничного стикера я на манго смотреть не могла, хотя то, которое я успела съесть, было лучшим за полгода, и именно это меня злило больше всего.

Кафе у Мали маленькое, на первом этаже старого шопхауса в одном из переулков Ари, на шесть столиков и одну кошачью лежанку у кассы. Сама Мали живёт этажом выше и спускается к открытию в пижаме с медведями, поверх которой надевает фартук. Ростом она мне по плечо, а волосы стрижёт коротко и красит в цвет карамели. В двадцать семь лет она поставила себе брекеты: тайской девушке, по её словам, без идеальной улыбки замуж не выйти, и хотя замуж Мали пока не решила, выбор она иметь хочет.

Бисквит лежал на кассе, в зелёном галстуке в горошек, и смотрел на меня с тем выражением, с каким смотрят на нас коты, которых наряжают без согласия. Я почесала его за ухом из солидарности.

— Котик! — Мали выскочила из-за стойки и обняла меня так, что я выронила сумку. — Пришла! Я думала, турист тебя украл на выходные, кааaа.

— Никто меня не крал.

— Жалко. — Она отпустила меня, отступила на шаг и оглядела снизу вверх. — Колготки. В субботу. Котик, синяк уже жёлтый, его видно только мне и богу. Сними.

Я осталась в колготках и села у окна, и Мали тут же поставила передо мной тайский чай с молоком, ярко-оранжевый, и тарелку риса с манго. Манго лежало веером, каждый ломтик блестел. Я отодвинула тарелку раньше, чем успела подумать, и Мали это заметила.

— Ты что, тоже на диете, как девочки из моего фитнеса?

— У нас в офисе со среды стоит пакет манго, и его никто не ест. Кроме меня.

— Почему?

Вместо ответа я достала из сумки жёлтый стикер Ханны, расправила его на столе и подвинула к ней. Мали прочитала его вслух, по-английски и нараспев, и расхохоталась.

— «Не бери у них манго». Котик, это лучше любого сериала. Это прошлая девушка написала? Ревновала к туристу?

— Она проработала там две недели и сбежала.

— Значит, влюбилась в туриста, а он на неё не посмотрел. Я бы тоже сбежала, кааaа.

Она уселась рядом, а не напротив, прижалась ко мне боком, как делает всегда, когда собирается выведать что-то, и положила подбородок мне на плечо. Тайские девушки трогают подруг так, как у нас дома трогают только родственников, и то по праздникам, и в мае меня это пугало. К ноябрю я привыкла и даже скучала, если Мали неделю была занята и некому было висеть на моём плече.

— Покажи его ещё раз, — сказала она мне в ухо.

— Кого?

— Не притворяйся. Туриста.

Телефон она вытащила у меня из сумки сама, открыла галерею, нашла ту смазанную фотографию через стекло и растянула двумя пальцами так, что на экране остались одни бермуды.

— Ооо, — протянула Мали. — Котик. Ты видела, как они на нём сидят?

— Я там работаю. Я видела.

— Ты видела и молчишь. Это преступление против подруги. — Она увеличила ещё, и бермуды расплылись в пиксели. — Ладно. Ты уже проверила, что у него там под ними, или мне самой сходить к вам на собеседование, кааааа?

— Мали!

— Что «Мали»? Я спрашиваю как подруга. Если ты не проверишь, через месяц проверит какая-нибудь стюардесса.

На слове «стюардесса» я вспомнила сообщение Нок про купальник и покраснела. Мали увидела мои щёки, взвизгнула, бросила телефон на стол и обняла меня двумя руками.

— Ооо, котик. Уже есть стюардесса? — Она чмокнула меня в висок. — Ничего. Стюардессы улетают, а ассистентки сидят рядом каждый день.

Я засмеялась и рассказала ей про переговоры: как он ровно и мелко подчёркивал пункты карандашом, пока юрист в дорогом костюме садился всё прямее. Слово «запястье», которое я потом минуту зачёркивала в протоколе, я оставила себе. Мали слушала, подперев щёку, и после каждого пункта договора говорила «ооо».

Потом я рассказала про брата, который пришёл с двумя коробками пончиков, назвал бухгалтерию «мои королевы» и сбежал от меня через сорок секунд, и Мали вдруг оживилась сильнее, чем от бермуд.

— Брат тоже красивый?

— Кудрявый и пониже Гранта. Он сунул курьеру пончик, и курьер, по-моему, до сих пор в него влюблён.

— Ооо. — Мали подумала. — Мне нравятся кудрявые фаранги. Они как дети, только с большиииими… эм… выпуклостями в штанах. Для моих пончиков.

Я закрыла лицо ладонью.

— А чего? Ты знала, что секс нужен для здоровья? Вот ты когда последний раз испытывала оргазм?

— Малиии…

— Да что ты заладила: Мали, Мали. Когда?

— Я не помню!

— Вооот. Хочешь, я помогу?

— Мали!

— Ладно, ладно. Как хочешь. Но если что, Бисквиту мы закроем глаза.

Она провела ладонью по моему бедру, по колготкам, медленно, от колена вверх.

Я понимала, что она дразнится. Но понимала и другое: если бы я сейчас ответила, оргазм у меня, скорее всего, был бы, и ещё до обеда. От этой мысли я даже немного промокла и разозлилась на себя. Мали была мелкой засранкой и при этом настоящей красоткой, и от её пальцев я вздрагивала. Тайки в этом смысле устроены не так, как мы. С одной стороны, к сексу они относятся просто, а с другой, ревнуют и держат своё так крепко, что не отнимешь. Где у них кончается собственничество и начинается секс для здоровья, я за полгода так и не разгадала.

— Хьюстон вызывает Зузу, — шепнула Мали мне в ухо и чмокнула в щёку. — Давай я тебе кофе сделаю, а то ты смотришь в одну точку.

Пока она возилась с кофемашиной, я рассказала ей про людей в костюмах, и Мали в первый раз за утро замолчала.

Она как раз несла мне чашку, и рука у неё с чашкой остановилась на полпути. Я рассказала, как старший с седыми висками сложил ладони перед Пим, а Пим поклонилась ему ниже, чем кланяется курьерам, и как пакет поставили за микроволновку, будто он может укусить.

— Какие они из себя? — спросила Мали.

— Костюмы, галстуки. Старший говорил по-английски очень чисто. Имени не оставили.

Мали поставила передо мной чашку, села рядом и разгладила на коленях фартук. Лицо у неё на секунду стало взрослым, совсем не похожим на лицо девушки в пижаме с медведями, и я подумала, что ни разу за полгода не видела её такой.

— В ноябре манго дарят только очень старые люди или очень богатые, — сказала она. — Обычно и то и другое. Ты у них больше ничего не ешь, котик, ладно? Ешь у меня.

Всё это время она гладила меня по бедру, но теперь уже не дразнила. Так гладят по спине ребёнка, которому приснилось что-то плохое, и мне вдруг стало страшнее, чем было, пока она шутила.

Она пододвинула мне тарелку с рисом. Манго, сказала она, из «Макро», замороженное, честное, без всяких людей в костюмах, и я съела всё до последнего зёрнышка риса. Через минуту Мали уже снова висела у меня на плече и спрашивала, носит ли турист бельё под бермудами, и если носит, то какое, и я так и не решила, показалось мне про её лицо или нет.

* * *

В понедельник я сама предложила Гранту кофе. Зачем, я так и не смогла себе объяснить и списала это на субботу: Мали два часа подряд говорила про бермуды, и что-то из этого, видимо, налипло, хотя колготки после субботы я постирала дважды. А может, дело было в пятнице. В пятницу вечером, пока Брэд пил у него в кабинете пиво, Грант выглядел так, будто не спал с четверга, а я по себе знаю, что человеку, который не спит, иногда достаточно, чтобы кто-нибудь принёс ему кофе без просьбы. Мне в мае так приносила чай тётушка Ной. В тот день, на который была назначена моя свадьба, я ревела в подушку в её гестхаусе, а тётушка Ной поставила чашку на тумбочку и ушла, ничего не спросив.

Когда я вернулась из «Севен-Элевен» с двумя стаканами, в моём кресле сидел пожилой таец в светло-сером костюме и улыбался моей табличке. Я его пересадила. Записала имя, Сомчай Чароенсук, и цель встречи, которую он назвал сам: «манго». Он пересел на диван так послушно, что я даже не успела этому обрадоваться. Мали учила меня, что первым кланяется младший, а старший только отвечает. Этот старик, уходя, остановился у моего стола и первым сложил передо мной ладони. Я растерялась так, что поклонилась в ответ сидя, хотя сидя кланяться невежливо, это я тоже знала от Мали. Потом я посмотрела на Пим. Лицо у неё было белое, как бумага для принтера, и я так и не поняла, что её напугало: моя невежливость или его вежливость.

Грант после этого час сидел у себя за закрытой дверью над каким-то листом. Стены у нас стеклянные, так что закрытая дверь ничего не прятала, кроме звука, и я весь час видела, как он то складывает этот лист, то разворачивает, а потом смотрит через стекло куда-то мимо меня, в сторону ресепшена.

Старик со смешной целью встречи, пакет за микроволновкой и стикер у меня в сумке складывались во что-то, но доказательств у меня не было, и я пересчитывала то, что могла. После обеда Брэд принёс мне первые таможенные декларации на подпись, по контейнеру Прасерта с кондиционерами, сел на край моего стола и смотрел, как я читаю каждую строчку.

— Вы всегда так читаете? — спросил он.

— Я четыре года подписывала документы, за которые отвечала своей зарплатой.

— А теперь отвечаете визой. — Он улыбнулся. — Согласитесь, это интригует.

— Меня интригуют только недостачи, — сказала я. — Здесь пока всё сходится.

Брэд засмеялся, как смеются шутке клиента, которую слышат в десятый раз, и постучал пальцем по строчке, где мне нужно было расписаться.

Я подписала, потому что кондиционеры были кондиционерами, вес сходился с инвойсом, а инвойс я сама отправляла Прасерту в день собеседования. Брэд забрал папку и ушёл, а шутка про визу осталась лежать у меня на столе вместо папки.

В половине седьмого этаж опустел. Пим ушла последней, если не считать нас с Грантом, и, уходя, впервые за неделю не сказала мне «до завтра». Я как раз собиралась выключить ноутбук, когда Грант открыл дверь кабинета.

— Зуза, — сказал он. — Останьтесь, пожалуйста. Мне нужно с вами поговорить.

За неделю он ни разу не звал меня по имени таким голосом. Четвёртая табличка, подумала я, вот и всё, и стала мысленно собирать коробку: степлер, три ручки и пакетик соевого соуса, который достался мне вместе со столом.

В кабинете он не сел за стол. Он придвинул стул, на который сажает кандидатов, к дивану для гостей, усадил меня на стул, а сам сел на диван и подался ко мне, сцепив пальцы. Выгоревшие волоски на предплечьях под офисной лампой опять светились золотом, и я рассердилась на себя, что замечаю это за пять минут до увольнения.

После шести в нашем здании отключают центральный кондиционер, и кабинет понемногу нагревался. Грант оттянул ворот футболки, и я увидела белую полоску загара, а под ней кожу, влажную у ключицы. От него пахло тем же цитрусом и ещё чем-то тёплым, как пахнет человек к концу длинного дня, и запах этот почему-то не раздражал, хотя должен был. Я отодвинулась вместе со стулом на полметра назад, будто мне просто стало жарко, и стала смотреть на слоника с поднятым хоботом у него на столе.

— Вы ведь не знаете, кого утром пересадили на диван, — сказал он.

— Сомчая Чароенсука. Цель встречи: манго. Я записала.

— Записали. — Он улыбнулся, но глаза остались серьёзными. — Зуза, как вы? Только честно. Он вас ничем не напугал?

Такого вопроса я не ждала и поэтому ответила честно:

— Он мне поклонился. Первым. А Пим потом полдня была белая.

— У Пим есть на то причины.

Он потёр ладонью затылок, будто не знал, с какого конца начать, и я вдруг поняла, что увольнять меня он не собирается. Ему нужно было сказать что-то, чего говорить не хотелось, и смотрел он при этом на меня, внимательно, как будто проверял, всё ли со мной в порядке.

— Помните моего брата? — спросил Грант.

— Пончики. Сорок секунд.

— Сорок секунд, — согласился он. — Его бар на Тонглоре закрылся в мае, хотя мне он до последнего говорил, что дела идут отлично. Тай задолжал половине улицы и взял шесть миллионов бат у людей, про которых ничего не хотел знать. Старик, которого вы пересадили, из этих людей. Лет семь назад его фамилию печатали в «Бангкок пост» рядом со сгоревшим складом в порту.

— И чего он хочет?

— Один контейнер. Может, два. Через наш порт, под нашими бумагами. — Он помолчал. — Говорит об этом так, будто просит подвезти посылку.

Под нашими бумагами. Бумаги у нас с сегодняшнего дня подписывала я.

Мне стало жарко, потом сразу холодно. Я представила комнату без окон, стул, привинченный к полу, и как кто-то в форме спрашивает меня по-тайски, а я не понимаю ни слова. И разозлилась на него, на его сраные шлёпки и на его диван так, что захотелось встать и хлопнуть дверью.

Тут я начала догадываться, зачем он выкладывает всё это мне. Он что, за меня переживает? Я посмотрела ему в глаза и наконец поняла, что в них было с самого начала разговора. Вина.

Интересные пирожки. Я бы, наверное, в последнюю очередь подумала, что он меня подставил, даже сидя в наручниках в комнате для депортируемых. Но честность, надо отдать ему должное… возбуждает.

Тьфу, Зуза. Что за дрянь у тебя в голове. Надо будет отшлёпать Мали по заднице, чтобы не портила мне жизнь своими поглаживаниями.

— Что будет в контейнере? — спросила я.

— Не знаю. Брат не спрашивал, а Сомчай предлагал рассказать за обедом.

— И когда обед?

— Обеда не будет. Я отказался. — Грант усмехнулся одним углом рта. — Вежливо. Он сказал, что не торопит. Значит, вернётся на этой неделе.

Я прикинула. Выходило совсем немного, если в конце недели мне собираются принести на подпись то, что подписывать нельзя.

— Доверенность на вашу подпись предложил Брэд, — сказал Грант. — А подписал её я. Я хочу, чтобы вы знали это от меня. Чтобы потом, если что-нибудь случится, вы не решили, что я с самого начала собирался вас подставить.

Я сидела на стуле и не знала, куда деть руки, поэтому положила их на колени, ладонями вниз.

Полгода назад я узнала правду из чужого телефона. Сидела на кухне, а телефон жениха светился у меня в руке, и в нём было всё, что они с Анетой два года говорили друг другу за моей спиной. Никто из них не пришёл и не сел напротив. Никто не сказал мне это в лицо.

А этот человек в шлёпках сидел напротив меня на собственном диване и говорил вещи, за которые я могла уйти завтра же. Говорил, глядя мне в глаза. За весь рассказ он ни разу не сказал «о», я считала: ноль палочек. Видимо, когда ему не нужно время, чтобы дочитать мелкий шрифт, он обходится без него.

— Почему мне? — спросила я, когда он замолчал. — Почему не Брэду? Он юрист, он ваш друг.

— Брату я рассказать не могу, по понятным причинам.

— А Брэду?

Грант потёр лицо ладонями. На подбородке у него пробивалась щетина, темнее волос, и я подумала, что утром он, наверное, не брился, потому что не спал.

— В пятницу я сказал Брэду одну фразу, — ответил он. — Довольно глупую. А сегодня Сомчай повторил её почти слово в слово. Может быть, совпадение. Скорее всего, совпадение. Я двенадцать лет знаю Брэда.

В пятницу я видела их через стекло, с пивом, когда искала под столом вторую туфлю. Брэд сидел, закинув ногу на угол стола, и смеялся. Грант, кажется, и не ждал от меня ответа.

— Мне нужна помощь, — сказал он. — Мне нужен человек, который умеет считать и не верит на слово. За неделю вы перекрасили весь мой календарь и не пропустили ни одной встречи Тая. Пим боится. Брату я не верю. А вы…

Что я, он так и не сказал. Посмотрел на меня, потом в сторону, на тёмное окно, в котором отражались мы оба: он на диване, я на стуле, и между нами метр ковра. Я подождала, но конец фразы так и не пришёл, и мне вдруг очень захотелось его услышать.

— Я отзову доверенность, — сказал он. — Завтра же. Вас это больше не коснётся.

— Не надо.

Он поднял на меня глаза.

— Почему?

— Потому что ему нужна ассистентка с правом подписи, — сказала я. — Отзовёте доверенность, и послезавтра ваш Сомчай поймёт, что вы догадались, зачем ему я, и подписывать ничего не дадите. Неважно, кто ему расскажет. Сейчас он думает, что вы думаете.Пусть думает подольше.

Грант откинулся на спинку дивана и какое-то время молча смотрел на меня.

— И что вы предлагаете?

— Ничего не предлагаю. Я рассказываю, как это делается в банке. — Я сама не заметила, как подалась вперёд, и придвинула стул обратно на те полметра, на которые от него отодвинулась. — Если клиент даёт тебе купюру и ты подозреваешь фальшивку, на весь зал ты об этом не кричишь. Ты улыбаешься и очень медленно её проверяешь. Извиняешься, что аппарат сегодня барахлит, просишь подождать минутку и тянешь время, пока не придёт старший кассир. А клиент всё это время думает, что всё идёт как надо.

Грант смотрел на меня так же, как утром Сомчай смотрел на мою табличку, и я на секунду испугалась, что сказала глупость. Потом он засмеялся в ладонь и морщинки в углах глаз собрались.

— Старший кассир, — повторил он. — Это, видимо, я.

— Это пока никто, — сказала я. — Но вы можете подать заявку.

Он больше не смеялся, просто ждал, и по тому, как он ждал, я поняла, что главного пока не сказала: остаюсь я или ухожу. Разумная девушка на моём месте встала бы и ушла. Только виза у меня теперь держалась на этой компании, и, если бы я ушла, через неделю пришлось бы покупать билет домой, а возвращаться мне было некуда. Если остаться, впереди были два года, при условии, что Брэд не врёт про своего человека в иммиграционной, а я теперь не знала, врёт ли Брэд. Мама учила меня всегда иметь план, а у меня был только мужчина на диване, который рассказал мне правду в лицо, и, кажется, этого хватило.

— Хорошо, — сказала я. — Я помогу. Доверенность оставим, а бумаги я буду читать так же, как сегодня, каждую строчку и очень медленно. Но вы мне доплатите за мафию.

— О, — сказал Грант и снова улыбнулся, но теперь без всякой нервозности, легко, как тогда в лобби. — И сколько стоит мафия, мисс Зи?

— Сорок восемь.

— Надеюсь, не миллионов?

Блокнот остался у меня на столе, за стеклом. Сорок восьмую палочку я поставила мысленно.

Глава 6. Грант

В четверг в девять Зуза постучала костяшкой пальца по стеклу моего кабинета, хотя дверь была открыта, и сказала, что звонили от нашего друга по манго.

— Молодой человек, очень вежливый, — доложила она. — Кхун Сомчай приглашает вас на обед сегодня в двенадцать. Машина будет ждать у главного входа.

Мы оба знали, что я пойду. В понедельник мы договорились, что Сомчай должен думать, будто я ещё думаю, а второй отказ был бы уже ответом.

Обед появился у меня в календаре через минуту, без места и без цвета, как ланчи Тая.

Без пяти двенадцать у входа стоял чёрный «Мерседес», и тот же молодой человек, что держал пакет с манго, открыл мне заднюю дверь. В машине пахло кожей и жасмином из маленькой вазочки на спинке переднего сиденья. Мы поползли по Сукхумвиту, и до первого светофора я думал, почему в понедельник рассказал всё именно Зузе.

Брату рассказывать было нечего, он сам это устроил, а теперь сидел в Паттайе, присылал мне фотографии моря и не брал трубку. Брэду я всё выложил в пятницу, а в понедельник услышал свою «громкую историю» от Сомчая, и с тех пор, когда Брэд заглядывал ко мне в кабинет, выбирал при нём слова. Про сегодняшний обед я ему так и не написал. Двенадцать лет назад мы делили одну комнату в общежитии, и раньше я при нём не думал, что говорю.

А Зуза за весь этот месяц единственная ничего не пыталась мне продать, даже смех над моими шутками, и в понедельник я решил рассказать ей всё.

Я представлял тот вечер иначе. Как в детективах, которые я смотрел в колледже вместо лекций: мы сидим на полу кабинета, между нами коробка пиццы, её лодочки и мои шлёпки валяются где-то у дивана, а по ковру разложены распечатки, и Зуза обводит красным то, что я пропустил. На деле она сидела на стуле, прямая, как на собеседовании, между нами был метр ковра, и пиццу никто не заказал. Но она сказала «вы мне доплатите за мафию», и до самого дома я напевал в такси что-то тайское с радио водителя, хотя слов не знал, а петь не пробовал лет десять.

Машина свернула в сой, узкий, под зелёными ветками, и остановилась у старого деревянного дома, каких на Сукхумвите почти не осталось.

Ресторан был без вывески. Внутри было прохладно и пусто, если не считать официантки, которая провела меня по скрипучему полу в дальнюю комнату с окном во двор. Кхун Сомчай уже сидел там, лицом к двери, в том же светло-сером костюме, и при виде меня поднялся и сложил ладони.

Меню мне не дали, Сомчай заказал сам по-тайски и начал, как в прошлый раз, издалека. Внучка в Бостоне больше не жалуется на снег, потому что купила сапоги, как у всех американок, и прислала деду фотографию. Фотографию он мне показал. Я сказал, что сапоги хорошие.

Обедали мы долго. Сомчай сам разделал рыбу и о деле заговорил, только когда официантка убрала со стола.

— Я вас не тороплю, мистер Рид, — сказал он. — Первый контейнер нам нужен через месяц. Думаю, этого времени вам хватит, чтобы всё устроить.

— А что в нём?

— Манго. — Он улыбнулся. — Так ведь записала ваша ассистентка.

Я засмеялся, потому что смеяться было вежливее, чем молчать, и Сомчай одобрительно кивнул.

— Бумаги пусть оформляет она, — продолжил он. — Она напечатала мою фамилию с первого раза и ни разу не переспросила. На таможне такой девушке поверят быстрее, чем мне.

Я сказал, что подумаю, как построить маршрут, и что порт в декабре перегружен, и что мне надо поговорить с одним человеком в порту, а он сейчас в отпуске. Говорил я неторо-

ливо и много, и сам слышал, что это банковская тактика Зузы: аппарат барахлит, подождите минутку. Сомчай кивал на каждое слово.

— Конечно, — сказал он, когда я закончил. — Порт перегружен, нужный человек в отпуске. Я понимаю. — Он аккуратно сложил салфетку. — Кхун Зузанна живёт у тётушки Ной, да? Хороший дом, старый. Только в грозу там выключают свет во всём доме, тётушка боится молнии. Девушке одной в темноте неуютно, мистер Рид. Передайте ей, пусть купит фонарик.

Я пообещал передать. Как зовут хозяйку её гестхауса, я сам не знал.

На десерт принесли манго, жёлтое, нарезанное ёжиком. Тарелку принесли одну, официантка поставила её перед Сомчаем, и он взял маленькую вилку.

— Вам я не предлагаю, — сказал он. — Вы ведь всё равно откажетесь.

Сказал он это тепло, почти с уважением, и я всю дорогу обратно думал, почему отказ от манго прозвучал у него как комплимент.

* * *

В офисе меня ждала Зуза. Она стояла у моего стола с раскрытым ноутбуком на согнутой руке, и щёки у неё горели.

— Сингапур, — сказала она и развернула ко мне экран. — Пришло на приёмную, с пометкой «срочно».

За этим контрактом я гонялся два года. Сингапурская сеть каждую неделю везёт из Таиланда рис и кондиционеры и до сих пор возила их через гонконгцев. Я трижды летал к ним на презентации и каждый раз слышал, что «пока не время». Теперь они писали, что хотят обсудить регулярные поставки, а их человек в Бангкоке, мистер Тан, будет рад встретиться сегодня вечером, потому что утром он улетает домой. Он предлагал бар на крыше своего отеля на Сукхумвите, в восемь.

Я прочитал письмо два раза, а потом посмотрел на Зузу. Она улыбалась.

— Вы идёте со мной, — сказал я.

— Зачем?

— Затем, что в восемь вечера я начну обещать мистеру Тану всё, что он попросит, а вы будете меня останавливать.

Она подумала и посмотрела на часы.

— Тогда в шесть я уйду, — сказала она. — Мне надо заехать к тётушке Ной переодеться.

* * *

Бар был на сорок каком-то этаже. Я приехал без десяти восемь, в тех же бермудах и шлёпках. К шортам в Бангкоке относятся спокойно даже в хороших отелях, а вот шлёпки с чёрной пылью по краю подошвы любят не везде, и наверх меня пустили, только когда администратор у лифта получил пару коричневых купюр с тремя нулями. Я ждал у лифта. Двери открылись, и сначала я узнал только волосы.

На Зузе были короткие тёмные шорты, строгие, со стрелками, как от брючного костюма, которому кто-то отрезал всё лишнее, чёрный топ, спереди почти скромный, и туфли на высоком каблуке, в которых она стала на полголовы выше. Синяк над правым коленом она прятать не стала, жёлто-зелёный, уже сходящий, размером с ладонь.

— Это Мали на гидроцикле, — сказала она, перехватив мой взгляд. — На Ко Лане, накануне собеседования. Она водит так, будто за ней гонится полиция.

— Так вот зачем колготки.

— А вы что думали?

Версий у меня набралось штук шесть, и половину из них вслух при ассистентке произносить не стоило, поэтому я сказал, что думал про кондиционер в офисе.

Зуза прошла мимо меня к стеклянному ограждению, и я увидел, что спины у топа нет, только тонкая завязка на шее, а ниже голая кожа до самой ложбинки, которая уходила в шорты. У основания шеи, между плечами, у неё была татуировка размером с мой указательный палец: сак янт, пять строчек старой кхмерской вязи, какие монахи набивают бамбуковой иглой. Наверху дул ветер, вечер был прохладный, по-ноябрьски, и под нами горел Сукхумвит, с красными хвостами машин на скоростной дороге. Зуза долго смотрела вниз, а я смотрел на её спину и, если честно, думал, что сейчас свалюсь нафиг с этого сорок какого-то этажа. Почему-то все эти изгибы, лёгкая влага от сырого воздуха на светлой коже и аккуратные ха тэу превратили меня в идиота с отвисшей челюстью.

— Вон наш двадцать третий, — сказала она, обернувшись. — Отсюда он совсем маленький.

Её голос вернул меня из грязных мыслей про голую спину, на которую я смотрел сверху вниз… кхм. Странно, но она улыбалась, совсем искренне, даже по-детски. Такой улыбки я у неё никогда не видел и вдруг начал понимать, почему она не хочет отсюда уезжать. Из Бангкока, я имею в виду.

Вместо ответа я просто пропустил её вперёд. Интересно, а бывает фетиш на спины? За собой я такого не замечал. Но почему-то её спина была самой красивой и сексуальной из всего, что я видел в своей жизни…

Мы сели у края, мистера Тана ещё не было. Официант принёс меню, Зуза открыла его, увидела цены на коктейли и закрыла с таким лицом, будто ей показали чужую выписку со счёта.

— Как обед? — спросила она, не поднимая глаз от закрытого меню.

Я собирался ответить и уже знал, что начну с месяца, а про её подпись скажу потом. Но тут из лифта вышел невысокий человек в льняном пиджаке, огляделся и помахал нам рукой.

— Потом расскажу, — сказал я и встал.

Мистер Тан пожал мне руку двумя руками, Зузе одной, и сел так, чтобы видеть город. Лет ему было за пятьдесят, говорил он по-английски с сингапурским распевом, в конце каждой второй фразы у него выскакивало «lah», и через десять минут он перестал называть меня мистером Ридом. Коктейли он заказал сам, на всех, фирменные, с манго. Чтоб его, этот жёлтый фрукт… Днём старик в светло-сером костюме ел манго у меня на глазах и мне не предложил, а теперь мне принесли его в стакане с бумажным зонтиком, и я выпил.

Тан хотел понять, что мы за компания, и спрашивал, как спрашивают на первом свидании: где я вырос, почему Бангкок, сколько у нас машин и сколько из них на ходу. Я рассказывал, и с каждым коктейлем у меня получалось всё лучше. Где-то на втором Тан спросил, сможем ли мы с декабря отгружать им каждую неделю, и я уже открыл рот, чтобы сказать «конечно».

Тут Зуза наступила мне на ногу. Каблуком, прямо на голую ступню в шлёпке. Я сказал «о» на октаву выше, чем обычно, и Тан вежливо сделал вид, что у меня такой акцент.

— Мистер Рид хочет сказать, что с декабря можем, — сказала Зуза. — Только в декабре Лаем Чабанг стоит в очередях до Нового года. Если ваш контейнер простоит в порту лишние пять дней, кто платит за хранение, вы или мы?

Про декабрьские очереди я сам рассказывал Сомчаю за обедом, чтобы потянуть время. А тут после двух коктейлей с манго чуть не пообещал Тану каждую неделю.

Тан засмеялся и полез в телефон за цифрами. Потом Зуза спросила, в какой валюте они платят и через какой банк, а когда он ответил, спросила, сколько дней у них идёт перевод из Сингапура в Бангкок. Тан перестал смеяться и начал записывать. После третьего вопроса он повернулся ко мне.

— Очень опасная ассистентка, lah, — сказал он. — Где вы такую нашли?

— В лобби, — сказал я. — Она напала на меня и отобрала зарядку.

Тан захохотал так, что за соседним столиком обернулись, а Зуза сделала вид, что не услышала, и покраснела. Каблук она с моей ноги убрала, но ногу не отодвинула, и до конца разговора я чувствовал её колено своим и плохо помнил, о чём мы договорились. Кажется, торговаться Тан прилетит потом, вместе с начальством.

Он ушёл в десять, оплатив счёт за всех, и мы остались вдвоём с недопитыми манговыми коктейлями.

Ветер стих. Зуза сидела, подобрав ноги под стул, и болтала соломинкой в стакане, а я смотрел на неё и думал, что сейчас самое время рассказать ей про обед, раз уж обещал. Я представил, как у неё изменится лицо, и сказал себе, что завтра. Сначала я найду выход, позвоню своему человеку в порту, придумаю, как сделать, чтобы её подпись Сомчаю не понадобилась, и приду к ней уже с решением. В понедельник она осталась, но если я сегодня скажу ей, что Сомчай выбрал её лично, она может завтра купить билет, и я не уверен, что смогу её за это осудить.

Внизу, под баром, был клуб, и оттуда через пол доходил бас. Зуза допила коктейль, встала и кивнула на лестницу.

Охранник у входа в клуб посмотрел на мои шлёпки так, как смотрят на собаку без поводка, и мне снова пришлось лезть в карман за коричневыми купюрами. Зуза видела, сколько я ему дал.

— Две тысячи бат, — сказала она мне в ухо, — за шлёпки за девяносто девять. Я бы записала вас в группу риска.

В клубе было темно и тесно, и пахло сухим льдом и чьими-то духами. Зуза отдала мне сумку и ушла в толпу, а я остался у стойки и смотрел на неё. Танцевала она так же, как разбирала мой календарь: сначала осторожно, приглядываясь, а потом вдруг отпустила себя, закинула руки за голову, и волосы хлестнули её по плечам. В синем свете её голая спина казалась ещё бледнее, а завязка на шее ослабла, и Зуза подтянула её, не переставая танцевать. Какой-то немец попытался танцевать рядом с ней, она посмотрела на него так, как смотрела на меня в лобби, и немец ушёл к бару.

Про Сомчая я забыл и смотрел только на её спину и на то, как двигаются бёдра в этих шортах.

Потом она вернулась к стойке, раскрасневшаяся, с прилипшей ко лбу прядью, попросила у бармена воды и выпила стакан до дна.

— Вы весь вечер простояли тут с моей сумкой, — сказала она, отдышавшись. — Тоже мне директор.

— Кто-то же должен был за ней присмотреть.

Смотрел я, конечно, совсем не на сумку, и, судя по тому, как она улыбнулась, это было заметно даже в синем свете. Она забрала у меня сумку, сунула её бармену и потянула меня за руку в толпу.

Танцевать я не умею, а в шлёпках среди кроссовок и каблуков это было особенно заметно: мне дважды наступили на голые пальцы, и оба раза я сказал «о». Сначала мы танцевали, как начальник с ассистенткой на корпоративе, на расстоянии вытянутой руки. Потом кто-то толкнул Зузу мне в грудь, и она так и осталась, спиной ко мне. Я положил ладони ей на талию, на голую кожу над шортами, и почувствовал, как она двигается вся, от плеч до бёдер. Сверху мне была видна её татуировка у основания шеи, и до неё было одно движение головой. Пахло от Зузы коктейлем и тем же простым мылом, и я очень старался не наклониться.

Она откинула голову мне на плечо и что-то сказала. Я не расслышал.

— Что?

Зуза повернулась ко мне лицом, не убирая моих рук, и встала на цыпочки, хотя на этих каблуках ей это было уже не нужно.

— Я хочу уехать отсюда, — сказала она мне в ухо. — С вами.

Музыка грохотала, кто-то снова наступил мне на пальцы, а я стоял и смотрел на неё. Глаза у неё были пьяные и при этом очень серьёзные, и мои руки со своей талии она так и не убрала. В голове у меня разумный голос, подозрительно похожий на голос Брэда, объяснял, почему это плохая идея: она моя ассистентка, она выпила, а завтра в девять принесёт мне кофе, и мы оба будем делать вид, что ничего не было. Голос был прав по всем пунктам, я честно дослушал его до конца и сказал:

— Сумку только заберите.

Ничего умнее у меня в ту минуту не нашлось. Зуза засмеялась, сходила к бармену за сумкой, а потом взяла меня за руку и повела к выходу. На лестнице я потерял шлёпку, и она ждала, пока я за ней вернусь, и смеялась уже в голос.

* * *

В такси она назвала водителю адрес тётушки Ной и откинулась на сиденье. Мы ехали молча. Зуза сидела так близко, что я чувствовал её бедро своим, голое, тёплое после клуба.

На светофоре у Асока она повернулась и поцеловала меня.

Губы у неё были сладкие от коктейля. Сначала она поцеловала коротко, будто проверяла, а потом положила ладонь мне на шею и поцеловала по-настоящему. Я ответил и опомнился, только когда загорелся зелёный.

Я вспомнил табличку мисс Кэрол, отцовской секретарши, и отстранился на пару сантиметров. Дальше у меня не получилось.

— Ты уверена? — спросил я. «Вы» осталось где-то на сорок каком-то этаже.

Зуза посмотрела на меня ясными зелёными глазами.

— Только сегодня, это для здоровья, — сказала она. — Так говорит моя подруга. А утром ты снова мой начальник, хорошо?

Гестхаус у тётушки Ной оказался деревянным домом на сваях в конце сой, с плюмерией у калитки. Цветы с неё падали прямо на дорожку, белые с жёлтой серединкой, и мы шли по ним, а Зуза на ходу подобрала один и сунула мне за ухо.

— Разуйся, — шепнула Зуза. — И тихо. Она слышит, как у соседей падает монетка.

У порога я снял шлёпки, а она туфли, и они встали рядом на нижней ступеньке. Я всегда находил что-то тёплое и уютное в том, как у тайцев перед входом в дом аккуратно стоит на полках целое море шлёпок и другой обуви. В этом было что-то… про семью и заботу. Не знаю почему. Хотя, может, это всё спина моей ассистентки и несколько манговых коктейлей.

Дверь тётушки Ной была на первом этаже, за ней работал телевизор. Мы поднимались по лестнице на цыпочках, и третья ступенька всё равно скрипнула так, что Зуза зажмурилась и вцепилась мне в руку, но телевизор работал дальше, и мы оба выдохнули и засмеялись беззвучно, прижимая ладони ко рту. Чёрт, вот здесь нам не хватало только пиццы для дурацкого шаблонного комедийного детектива. Хотя не могу сказать, что мне это не нравилось.

В комнате помещались только кровать и тумбочка, блузки висели на гвоздях по стене, а ставнибыли открыты в ночь. За окном, почти касаясь подоконника, росло дерево.

— Соседское манго, — сказала Зуза, увидев, куда я смотрю. — Его я, честное слово, не трогаю.

Под потолком висел вентилятор. Она щёлкнула выключателем, и вентилятор сделал два оборота, задумался и встал.

— Он так всегда, — сказала она. — Его надо толкнуть.

Я встал на кровать и толкнул. Потом начал терять равновесие и стал заваливаться, но чудо акробатики и ловкости меня спасло… Кровать застонала на весь дом, вентилятор очнулся и пошёл, а Зуза упала на подушку и смеялась в неё так, что тряслись плечи. Я спрыгнул и сел

рядом, и кровать застонала снова, и тогда она перестала смеяться, подняла на меня глаза и потянула меня за футболку к себе.

Завязку у неё на шее я развязывал медленно, потому что слишком долго об этом думал и не хотел торопиться. Топ соскользнул вниз, лифчика под ним не было, и она оказалась ещё бледнее, чем я представлял, с маленькой родинкой под левой грудью, которую никакое солнце не видело. Я поцеловал родинку, потом грудь, и Зуза выгнулась и прикусила губу, так же, как прикусывает, когда печатает.

— Кровать, — выдохнула она. — Тётушка услышит.

— Тогда лежи смирно, — прошептал я.

— Сам лежи смирно. Это ты тут…

Договорить она не успела, потому что я снова поцеловал родинку, и вместо конца фразы у неё вышел тихий стон, который она тут же попыталась выдать за кашель.

— Будь здорова, — шепнул я.

— Заткнись, — шепнула она и закрыла мне рот ладонью.

Ладонь пахла манговым коктейлем. Я поцеловал её изнутри, и Зуза хихикнула в темноту, а потом спохватилась и зашептала очень серьёзно:

— Если она поднимется, ты курьер.

— Что я доставляю во втором часу ночи?

— Себя. — Она подумала. — Тариф ночной, сто бат.

Лежать смирно она честно попыталась. Я расстегнул на ней шорты, стянул их вместе с бельём и осторожно поцеловал синяк над коленом. Он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.